

Юрий Литвин

ВСАДНИК

Юрий Валерьевич Литвин

Всадник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28952205

SelfPub; 2018

Аннотация

Это история о поисках загадочных Хроник Акаши – живой памяти Земли, о смысле жизни и смерти, о великих битвах ангелов и многом другом. Действие развивается по четырем независимым сюжетным линиям, волею судьбы сливающихся вместе в Египте, внутри Великой Пирамиды. Герои романа: спившийся философ Александр, погибший на войне капитан Коновалов, работник элитного комплекса ритуальных услуг Вера Одинцова, юный виконт Марсильяк, все они оказываются вовлеченными в цепь неординарных событий в роли игрушек высших сил. Содержит нецензурную брань.

...Наши кони готовы вполне
Дьяволу душу отдать,
Если ты удержался в седле,
Вместе отправимся в ад...

...Он ехал сквозь плотный туман, и ничего не было вокруг, и в то же время вокруг было все. Наверное, просто туман делал свое дело, а Всадник делал свое.

Пространство струилось холодом и пронзительной печалью. Звуков не было вовсе. Не скрипело седло, и даже Конь, могучий Конь неизвестной породы, не всхрапывал, не стучал подковами, и безмолвными оставались рыцарские тяжелые доспехи, в которые были закованы Всадник и его конь.

А быть может, и не было их, этих доспехов? И никакой стали, ни кирасы из заиндевевшего мрамора, ни хрустального забрала, ни шлема с диковинным плюмажем? Неведомо...

Иногда туман густел еще больше, становясь липким на ощупь и очень плотным, как битум. Он не оставлял следов на убранстве Двоих, но Всадник знал, что это Кровь.

А после все погружалось в темноту, и их силуэт превращался в белую точку на фоне зловещего космоса. Хотя почему зловещего? Космос и Космос. Наверное, Тот Кто Глядит Извне видел бы Их по-другому, но тот кто рассказывал мне о Всаднике видел все именно так.

Потом прекращалось и это, и опять приходили сны. А

вслед за снами – Серебро.

Затем, обычно, шел дождь, из обычной воды, для тех, кто считает Ее обычной. Иногда мелкий, иногда нет. Но это было совсем нестрашно. Дождь нес Очищение...

И был Свет.

И тогда темнота наливалась сочными красками, настолько яркими, насколько позволяла видеть их красоту разрешающая способность видения тех, кто мог это Видеть. Тот же, кто мог только Ощущать, ощущал Музыку.

А Всадник ехал по радуге, заполнившей пространство, пускай совсем ненадолго. Хотя, трудно судить об этом, ибо не было Времени на Пути у Всадника, и не было более ни сожалений, ни чувств, ни скорби, ни слез...

И снова смыкался туман за Его спиной, и гасли краски, и Музыка утихала, исчезая, чтобы вернуться через сотни веков. Но все также грациозно ступал Его Конь неизвестной породы, безмолвный, но такой надежный и крепкий, что казалось материя самого Покоя следует за Ним.

Хотя... Может быть и не было никакого Коня? И шел Он пешком? Не знаю... Да и никто не знает об этом всего. Даже сам Всадник...

XXX

Тишина становилась невыносимой. Хотелось выстрелить, да так, знаете ли, со звоном, с брызгающим во все стороны

стеклом, с надсадным воем сирен за окном. Да только где их взять, сирены? Негде. А славно было бы... Трах-бах. Штука-турка сыпется, щепки летят, гильзы горячие по полу стук... стук... Пистолет этот, блин, дьявольский... Зачем он мне? Кто-то из великих бойцов сказал негромко так, с достоинством, наверняка, типа мол: " Уж если ты вытащил пушку – не жди, не пугай засранца, а бей точно в лоб, ну, или на худой конец в ногу, а то взяли моду, пушек насобирают по карманам и ходют и ходют друг за другом, как пидорасы... А до дела доходит, начинают друг дружке угрозы рассказывать, а на курок жать, толи силы нет, толи жопы..." Я еще раз внимательно осмотрел оружие. Серьезная вещь, ничего нельзя сказать. Увесистая, солидная. С таким, небось, сам Ринальдо Ринальдини ходил, или как там его? Ходил значит, сигарой дымил, зубы желтые прокуренные обнажал в кривой ухмылке. Чего там, "круче нас только горы"... Какие там у них горы? Апеннины... или это полуостров, а нет... Как же их? Вулкан там точно присутствовал, Помпейский... Или не присутствовал, а просто... Ой, да ну его к монахам этого Ринальдини, может и не было его вовсе, а пистолетик-то вот он, присутствует. Мда...

Дела давно забытых дней
уйдут от нас как запах срани,
когда вечерний первый гром...
или снег?.. Парам-пам-пам не за горами?

Черт, какие же у них горы? Надо в атласе посмотреть,
вспомнить бы только
куда я его засунул?
...А на некопаных дорожках
Идет удоб на бритых ножках...

Звонок. Телефон кажется. Боже, какой же удоб это звонит? Чур, меня, чур...

Аппарат сиротливо валялся в углу сразу за пустой трехлитровой банкой, синюшно отливая вывороченными внутренностями, навевая тоску и истошно вопя при этом. Единственно, что не вписывалось, в привычную до боли в зубах реальность, была валяющаяся рядом с ним, перемотанная изоляционной лентой трубка. Трубка с пошлой наклейкой, трубка выдавшая виды и хранящая память миллиона самых разных ушей. Трубка ждала, она жаждала сообщить что-то и трясущаяся от непонятного ужаса, встревоженная, цепенеющая от непонимания рука, наконец, потянулась к ней.

– Да...

– Ой,– пискнула трубка, испуганным девичьим голоском.– Самуил Саваофович?

Вот-вот, именно так все и происходит. Звонит девушка по поломанному телефону и спрашивает Самуила Саваофовича. А потом: "Белые, белые, белые халаты..." Но так просто я не сдамся:

– Послушай, родная, какого тебе еще Саваофовича?

– Ой, я, наверное, ошиблась. Тут у нас такая путаница!

– Какая путаница? Вы кто?

– Я? Я Лена...

– Ну и дальше что?

– Дальше?

Возникла пауза, наверняка неловкая, не знаю как мне, а Лене так точно было неловко.

– Послушайте, а Вы точно не Самуил Саваофович?

Я медленно закипал.

– Вы откуда звоните?

– С телефонной станции. Извините, у нас тут такое творится! Погодите, это номер 9555666?

– Да... – номер действительно был мой.

– Ну вот, видите! – почему-то обрадовалась девушка. – А вы говорите...

– Да ничего я не говорю.

– Фамилия Ваша как, гражданин?

– Ринальдини, – мне тоже вдруг стало весело, какое ни какое, а развлечение.

– О...

– Не "О", а Ринальдини. Ринальдо ммм... Джанлуиджевич.

– Погодите не так быстро, я записываю. Джан... Как?

– Луиджевич, – любезно подсказал я.

– Луиджевич, – эхом отозвалась трубка, – Ну вот и славно.

Адрес Ваш подскажите, пожалуйста.

Я подсказал.

– Спасибо. Вы в какой валюте оплачивать будете?

– Чего оплачивать?

– Как чего? Разговор. У Вас же сектор "Це"?

– Не уверен...

– Как это не уверен? Подождите... – в голосе неведомой Лены звучала неприкрытая обида, а в трубке вроде бы как зашуршали бумагой. И че они там с ней делают?

– Ринальдо Джанлуиджевич, у Вас уже и так задолженность за прошлый год, и за этот уже два месяца...

Ну, против этого я допустим, не спорил. Шут с ними со станцией этой телефонной, но какого дьявола...

– В целом выходит 118 тысяч 537 лархов 04 ксе. У нас все фиксируется.

– Сколько? – трубка показалась мне ужасно тяжелой.

– 118 тысяч 537, 04. – уверенно произнесла Лена. – После 120 тысяч задолженности Ваш аппарат будет отключен.

– Чего ноль-четыре?

– Ксе, ну что Вы как маленький, Ринальдо Джанлуиджевич? За разговоры не платите, а потом обижаетесь.

– Послушайте, как Вас там, Лара... Тьфу, Лена, извините, я про валюту не понял. Какая валюта еще? Я знаю, что задолженность, и не отказываюсь вовсе и все непременно оплачу, не беспокойтесь. Но, во-первых, не так много, в конце концов, у меня и квитанции есть. Откуда такая сумма?

– Молодой человек! – в голосе девушки явно слышала-

лись металлические нотки. Вот уж не ожидала!– Разговоры с Межреальностью оплачиваются согласно Постановления за номером 74556884456125, в валюте реальности Оппонента. Ваш Оппонент Маградон. Срок оплаты не позже двадцатого числа текущего. Валюта: ларх... Чего Вам еще не понятно? Квитанцию Вам пришлют...

Через пару томительных секунд я обнаружил, что слушаю короткие телефонные гудки. Еще через пару секунд, пропали и они. Я машинально поднял телефон, положил трубку на рычаг и стал наматывать на палец шнур.

"Ну и дела... Маградон. Это тебе не Апеннины..."

В это время шнур кончился, и я тупо рассматривал обрывок провода в своих руках, он даже не был включен в сеть.

"Горячка белая, белая горячка"– прошептал кто-то у меня в затылке голосом девушки с телефонной станции.

В порыве непонятной активности я вооружился кухонным ножом и стал ремонтировать связь, пытаясь зацепиться проводом за контакты коробочки. Зацепил, даже трупик таракана из коробочки извлек, после снял трубку и услышал в ней ровный убедительный гудок. Это уже явно была Реальность. Реальная и прочная, и никаких Маградонов.

Отойдя за сигаретами, я принялся размышлять...

«Нет, это бог знает что!»

Телефон зазвонил снова.

Прикурив, я схватил ужасную трубку:

– Да!

– Что да? – голос, на сей раз, был мужской, хрипловатый и натуженный, – Вам сейчас хулиганы с телефонной станции звонили?

Сразу вспомнился анекдот... И все равно я выдавил из себя противным самому себе голосом:

– Нуу...

– Так вот гражданин Маношин, не о чем не волнуйтесь и выбросите все из головы. Хулиганы зафиксированы, задержаны и более Вас беспокоить не будут. Вы меня слышите?

Хотелось ляпнуть что-нибудь типа:

"Так точно, виноват, Ваше высокоблагородие..." Но я сдержался. Хватит на сегодня. Сказал только:

– Слышу.

Голос моментально подобрел.

– Ну вот и прекрасенько. Я знал, что Вы человек достойный, с пониманием отнесетесь. Правда?

– Разумеется. – Голос мой совсем уже отказывался мне повиноваться. Да что это за лажа такая?

– Премного Вам благодарен за сотрудничество, уважаемый гражданин Маношин. Единственная просьба, не нужно придавать всему случившемуся ровно никакого значения. Хорошо?

– Чему не придавать?

Голос помолчал немного и продолжил:

– Да ничему. Ничего ведь собственно и не было. Так? И вообще, ничему никогда не надо придавать значения.

Все это бред. Я признаться думал, что Вы умнее... Ладно. Адью... – голос хохотнул. – Ринальдо Джанлуиджевич...

Все. Поговорили. Гудки. Ой! Сигарета ожгла пальцы, упала на пол и продолжала дымить. Я медленно подтянул трусы и пошел на кухню. Ужасно хотелось, есть, а еще водки, и даже не знаю, чего хотелось больше.

«Да, жаль, что пистолет не настоящий...» – подумалось мне.

И это было чистой правдой. Пистолет был игрушечный, но с виду совсем как боевой. Научились делать, сволочи. Я еще немного полюбовался чудом вражеской техники и бросил игрушку на диван.

На диване кто-то сидел...

Помню еще, что подумалось в тот момент: "Однако!" Больше ничего подуматься не успело, потому, как этот кто-то попросил не шуметь. Он так и сказал: "Не шуми, бля." Или без бля, но оно слышалось в вопросе на подсознательном уровне. И вообще он мне брезгливым каким-то показался. И лицо у него брезгливое было, особенно губы, тонкие такие и брезгливые, и взгляд скользящий, даже можно сказать скользкий, а больше и рассмотреть я ничего не успел на его физиономии, потому что увидел крылья...

Вот представьте себе, сидит эдакая оказия на диване, с виду мужик и мужик, а с крыльями. Ну, как вроде у орла на картинке. Похожие в детстве я видел. И опять пожалев, что пистолет не настоящий, табуретку к себе я пододвинул по-

ближе.

Еще брезгливее лицо моего гостя стало, и, потянувшись с хрустом, он промолвил:

– Чего вы агрессивные-то такие все? Чуть что не по вашей, за табурет. А, между прочим, хорошая вещь, денег стоит.

– Ты, ты, вы... – слова подбирались с трудом, все-таки какой-никакой, а стресс.

– Ну-ну, смелей, – ободрил меня крылатый. – С чего начать? Кто я такой или зачем залез в твою квартиру? Не стесняйся...

Я кивнул. Гость невесело усмехнулся и неожиданно с выражением продекламировал:

...Захотел один урод
Яблок молодильных,
У него душа поет
Радостью дебильной...

– Твоя поэзия?

Краска стыда покрыла мои щеки тяжелым слоем, несмотря на всю неестественность ситуации, а гость между тем посерьезнел и продолжил вроде бы как сам с собой:

– Нет, ну про яблоки допустим понятно, вечная молодость... Допустим, но зачем же они к уродству. Не понимаю... У человечка была тяжелая юность, да и зрелость тоже не сахар. Дебилизм, врожденное уродство... Все эти насмешки окружающих. И дотянул, скажем так, до достойной

старости, когда эта чепуха уже и роли-то не играет никакой, и на тебе... Яблоки. Это чтобы повторить все страдания заново, что ли? Нет. Не пойму. Не пойму. Хотя может быть мазохизм?

Я наконец-то сумел что-то произнести:

– Да нет же, это все аллегория... Ну, урод, в смысле, чувак...

Гость нехорошо сощурился, и мне снова стало неудобно.

– Аллегория? Хорошенькое дельце... Аллегория.— Он стряхнул с крыла невидимую пыль.— Впрочем, я не специалист, и вообще по другому вопросу.

Мне стало чуть-чуть легче, ибо, разговор свернул, наконец, со скользкой поэтической тропы. Пегас, блин... Где ты взялся на мою голову?

Гость снова не по-доброму усмехнулся, и меня передернуло:

"Он что ли и мысли читает?"

– Ладно, Саша, пора расставить все точки над этим пресловутым "И". Если не возражаешь, конечно.

Я, разумеется, не возражал.

– Ну и отлично,— констатировал гость.— По моей личности вопросы имеются?

– Ну...

– Понятно, похоже, имеются... Ангел я. Самый что ни есть. Крылья, так сказать, прилагаются в ассортименте. Особо недоверчивым разрешается потрогать руками.

– Да ладно... – я вяло махнул рукой.

– Как хотите... А насчет материализма и всего прочего, ну не знаю... Не я его придумывал ваш материализм. Где вы только без нас были с этим вашим материализмом...

Помолчали...

– Хреновые дела твои Джанлуиджевич, – после очередной паузы произнес ангел. – Весьма...

– Да я...

– Ой, только не надо мне рассказывать, – скривился гость, – лето, понимаю, но все эти мечты о пиве и холодной ванне, а потом вентилятор на краешек... Ага? И после кайфа, так невзначай, его коготком в воду... Ну не знаю, не знаю... Красиво, понимаю, а кому сейчас легко? Мне? Не сказал бы, – он сделал такое лицо, что я действительно осознал, что нелегко моему собеседнику, весьма и весьма даже нелегко.

– Но вообще-то, молодец, Саша. Намерения, причем вызванные жарой, и к тому же неосуществленные, это в принципе еще ничего не значит. Там, – он сделал многозначительную паузу, и почему-то стало понятно, где это Там. – За это наказывать не будут. А я, хоть и твой персональный хранитель, суицида, – он в сотый, наверное, раз поморщился, – вот ведь слово придумали! Не допустил бы по мере своих скромных сил, так что, в этом плане ты, Саша, чист аки горчица. Но не злоупотребляй, ибо от намерений до воплощения... Сам понимаешь, уже не маленький.

Я решил вставить словечко:

– Так уж и персональный?

Гость почесался и произнес степенно:

– Ну, не то чтобы совсем уж персональный, напасешься тут на вас на всех персональных, но весьма и весьма приближен к вашей, так сказать особе.

– Ага,– сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

– Ага, – эхом отозвался мой не совсем "Personal angel",– тут вот ведь дело какое... – он понизил голос до шепота,– Нашей планете грозит смертельная опасность...

– Чего?

Ангел помолчал, поджав свои и без того узкие губы, наблюдая за моей реакцией, а потом вдруг заржал громко, ну чистый конь. Пегас. Однако и юмор у них!

– Шутка... Слишком ты зажатый какой-то, пора бы уже и с тормоза сняться. Видишь, Саша, тут фигня одна получилась. У нас...

Мне не понравилось это "У нас".

– Как бы тебе объяснить... Ну, вот вы люди, например, так?

– Ну да.

– Вот. Живете вроде бы. Смысл всего этого понять хотите иногда. Правильно?

– Ну... Скажем...

– Хотите. Потом вдруг вроде ни с того, ни с сего, бац! Смерть...

Информации не хватает. Проблемы там всякие. Водка. Войны... Эх, была ни была, рискну... Тут понимаешь, все дело в информации. Возьмем исходные данные. Все вы живете с мыслью о смерти, о ее неизбежности. Кошмар. Как вы еще с ума не тронулись окончательно, ума не приложу. Хм... Каламбур. Да. Каждый день просыпаться по утрам и не знать, последний этот день или нет. Ужасно. Ни запланировать ничего нельзя, ни возжелать толком.

И дела ваши все по большому счету смысла не имеют, так как и вы, и потомки ваши непременно изволят издохнуть. Нет, ну вы вообще-то молодцы, теории там развели всякие в плане выживания, ну чтоб не так тошно было влачить существование, хе-хе... Но в принципе, отчасти, это и так. Загробная-то житуха имеет место быть... До этого вы доперли, да и информация вам частично подбрасывается верная. Весь вопрос только в том, КАК? Как все будет после для конкретного индивидуума? Не так ли?

Видя, что я продолжаю молчать, аки партизан на допросе, ангел обвел взглядом пустые бутылки у стены и, прищурившись, продолжил вещать:

– И в связи с этим люди, мучимые великими вопросами, собираются в кучу, беседуют, дискутируют, поглощают немислимое количество различных спиртных напитков, и до бесконечности, до бесконечности изводят себя всякими:

"как? зачем? для чего?"

Такое впечатление, что человечество начисто утратило

память. И мучительно пытается что-то вспомнить. Не правда ли?

Несмотря на неестественность ситуации, беседа меня заинтересовала. И я, чувствуя покалывание в кончиках пальцев, прокашлялся:

– Есть одна теория...

Ангел предостерегающе поднял вверх указующий перст:

– А вот тут, стоп. Мы не будем сейчас обсуждать теории, мы уже почти подошли к практике. У вас есть вся необходимая информация. Вся!

Вы ВСЕ знаете. Но беда ваша в том, что вы не можете выбрать нужное из этого вороха придуманных и никому не нужных теорий. Философия ваша – дрянь, она противоречит сама себе, и за нагромождением нелепых теорий вы не видите логичных и естественных вещей. Вы с достаточной легкостью белое называете черным, и наоборот. От изощренного мазохизма этих ваших философских сентенций, просто Дух захватывает. Полет фантазии просто великолепен, но самое смешное то, что есть определенный порядок вещей. И никто никогда не может его нарушить. И даже ваше знание или незнание этого порядка, сам порядок изменить не может. Ну, какая все-таки разница переселяются души или не переселяются? Ну что изменится от того, что Саша Маношин будет знать, например, что они трансформируются и переходят в иное состояние?

– Ага, – все-таки торжественно произнес я. Утвердитель-

но. Типа, намек понял.

– Да ладно, ешьте, не жалко,— он скривился,— Тут нюансов миллион и тележка, но что с этим-то делать? Со знанием этим? Доносить до широких масс общественности? Да они скажут, что и сами об этом догадывались. Не интересно это, по большому счету, широким массам. Они то свое все равно рано или поздно по Вере своей получают. Им вообще-то деньги сначала давай. А потом можно и побеседовать о высоком...

– Ну, не все же...

– Да, не все,— огрызнулся ангел, он явно был не лишен эмоций,— не все,— добавил он уже поспокойнее. Некоторые берут золотом. Шутка!

Впрочем, о деле...— на сей раз, он сделал почти театральную паузу,— Надо помочь Саша. Ты как?

– Смотря что...— произнес я вслух, а про себя подумал «Ни фиги себе заявочки. Как же, разбежался».

Ангел поглядел на меня оценивающе.

– Да в принципе, делов не так много... Тут местечко одно есть, ну в смысле на Земле. Туда проникнуть может только человек. Понимаешь? Я тебе подробней попозже расскажу. Если договоримся, конечно... Сбой у нас небольшой приключился,— ангел даже смутился немного, вроде как неудобно ему из-за этого сбоя стало.— А ты, вроде, подходишь по параметрам... У тебя проблемы недавно приключились? Ну, личные, я имею ввиду? Перетрусило изрядно, но ты молодец.

Справился. Бабы – они бабы и есть. Делаешь им, делаешь, а они тебя за это... Да, ладно, я понимаю. Не ты первый, не ты последний. А потом пустота, мысли о смерти, водка опять же, и разговоры с телефонной трубкой всю ночь напролет, по отключенному телефону...

Меня залихорадило. Краска стыда, помимо воли, залила лицо. Ну, сволочь. Шоковая терапия, бя. Так вот оно что! Как она сказала эта Лена-Лара. Маргадон, Магра...

– Маградон.– услужливо подсказал ангел,– и нечего стесняться, сильно оно тебя зацепило, что ты аж в Межреальность вышел. Ну да это дело не мое, и глазами на меня сверкать не нужно. Было и было, а дело сделаешь, все тебе касатик, будет, бриллиантовый. Хочешь, приползет к тебе на коленях и скажет...

– Не хочу,– выдавил я из себя, сжимая кулаки. Так захотелось ему врезать...

– А и правильно! – он махнул крылом, чуть не сбив на пол настольную лампу,– Молодец! Мужиком надо быть, прежде всего. Еще один закон жизни... и смерти, дарю!

Помолчали. Меня медленно попускало. Вдруг ангел засуетился.

– А чего это я сижу? У меня ж тут вот!

И на столе прямо из-под крыла появилась темная красивая бутылка. «Он сказал поехали, и взмахнул крылом...»

– А стаканчик найдем?– подмигнул хранитель.

Я разжал кулаки и пошел за стаканчиком.

Дж. Верди. Спящая красавица. Увертюра.

Современные охраняемые мемориальные комплексы стали следующим закономерным шагом развития человечества после изобретения гробов со всеми удобствами, учитывающими все желания клиента вплоть до удовлетворения самых различных естественных надобностей. Если можно считать таковыми просмотр телевизионных программ, пользование сотовой телефонной связью, кондиционирование воздуха и др., разумеется, посмертно.

«Скоро личных секретарей будут подкладывать»,— невесело ухмыльнулась Одинцова, провожая взглядом роскошный катафалк, некоего Романа Родионовича Аристарха, на котором усопший завершал свой последний путь по грешной и моментально осиротевшей без него земле.

"Хотя, что в этом странного? Чего удивляться? Все повторяется и на этом свете и на том. Ведь укладывали же в могилы древних вождей их жен, слуг, домашних животных. Нынешние-то вожди, чай, не менее значительней тех хотят выглядеть. Так что дань традициям, понимаешь, седой старины. С жиру бесятся придурки. Придумывают. Вера снова согнулась над растениями, во множестве произраставшими на территории комплекса, и требовавшими ее Вериного вни-

мания. При этом Одинцова продолжила свои неторопливые размышления над реалиями современной жизни. Женщина она была неторопливая и обстоятельная, отчасти даже консервативная и работающая притом, что никак, увы, не отражалось на размере ее небольшой заработной платы.

«Или вот взять хотя бы слово стагнация... Прочувствовали? Тоже ведь придумал кто-то. Стагнация. Делать им нечего...»

Похоронный процесс был в разгаре, и Одинцовой в очередной раз стало тоскливо, ну никак служащая "Тихого Места" не могла привыкнуть к этим ежедневным ритуалам. Уже полгода почти прошло, как Вера Одинцова, особа тридцати двух лет, зеленоглазая шатенка неприметной наружности, бездетная, разведенная, без особых претензий и наклонностей, стала, по протекции своей ближайшей подруги Светланы, сотрудницей элитного мемориального комплекса "Тихое Место", в прошлом обветшавшего 11 городского кладбища, изрядно почищенного от убогих и забытых людьми покойничков предприимчивыми бизнесменами. Для себя, так сказать, и родственничков, соответственно, своих. В обязанности новой сотрудницы, по образованию инженера-эколога, входил банальный уход за растениями, типа цветы-трава, на могилах усопших, чтобы периодически приезжавшие на могилы, пока еще живые, родственнички не особо утруждались украшением интерьера, а смело могли предаваться скорби и поминальным ритуалам. Ибо люди они, как правило, за-

нятые и времени на всякие глупости, как-то: выдерживание сорняков, уборка, натирка бронзовых табличек и прочие мелочи, у них, разумеется, не имелось. На это, в конце концов, персонал заведения имеется, между прочим, деньги за это получающий, не большие, но поболее чем в институте "Экологии и природоведения", где Вера работала ранее, наверняка.

Обстановка не то чтобы давила на психику, иногда тут было на удивление тихо и покойно. Однако навевала некоторые ассоциации. Примерно через месяц Вера обратила внимание на интересный факт, что она как-то перестала для себя делить людей на живущих и усопших. Наверное, из-за того, что, часто сталкиваясь с покойниками, она всерьез задумывалась о том, кем тот или иной человек был при жизни. Это была своего рода игра, может быть, чтобы просто не сойти с ума, от этого бесконечного контакта с иным миром, а может обыкновенная защита сознания.

А вот при встрече с живыми Вера частенько представляла, как тот или иной потенциальный мертвец будет выглядеть после... Она даже примерную стоимость гроба и услуг для них прикидывала. Отчасти, наверное, от этого мужчины ее не то чтобы избегали, а, скажем, держались на расстоянии, очевидно, что-то недоброе подозревая на подсознательном уровне.

Между тем рассматривая лица участников процессии, Вера тихо ахнула про себя. Потому что в бледной высокой жен-

щине с низко опущенной головой узнала Светлану. Та, казалось, не замечала ничего вокруг, а тем более, ближайшую подругу, стоящую в десяти шагах от нее.

«Аристарх! Какая я дура»!— Вере стало перед самой собой неудобно.

«Светланы шеф сыграл в ящик, а я ни сном, ни духом. А, собственно, почему я ни сном, ни духом? Интересно... И Светка ничего не сказала. Хотя ей не до того, конечно. Стоп... Мы общались дня три назад или четыре, да, точно четыре, вот сучка, за четыре дня ни разу не позвонить, тем более мобилка бесплатная. Хм, была... Че это она? Страдает? Ну-ну...»

Загадочно это все было и непонятно. У ближайшей, помирает шеф, работодатель и любовник в одном лице и, похоже, что все это происходит под грифом совершенно секретно. Странно, странно, господа... И Вера занялась самоистязанием.

«Конечно, куды нам с нашим свиным рылом в калашный, тык сказать, ряд. У них трагедия вселенского масштаба, у них почил фигура мирового масштаба, хотя о ней этой фигуре, между нами девочками, не далее как четыре дня назад, отзывались, ну, как бы это сказать.. Весьма и весьма нелестно. И жабонька уважаемого гражданина Аристарха Романа Родионыча задавила, и старенький он совсем становится... А теперь мы строим из себя убитую горем вдову. Ну-ну... Так, а где у нас вдова? Ага, вот она красавица, хотя и не кра-

савица она совсем. Светка-стерва получше будет. Заездила ты мужика подруга. Заездила».

Вера принялась пристальнее рассматривать процессию.

"Ага, так это у нас наверняка дочь усопшего. А это этот, как его Платон Семеныч, что ли... Из "Поднебесной". А где же наш зам по кадрам? Тут он старый козлице, – Веру передернуло от малоприятных воспоминаний одного из визитов на фирму подруги. – О, и Алик тут, а как же весь штат в сборе, сопровождает в последний путь. Сейчас рыдать начнут, и в могилу за телом рваться. Уроды. Половина уже завтра вылетит с работы, как пить дать. Интересно с приемником уже определились? Алик, только останется, кому ж еще в гроб ложиться, он у них такой представительный, особенно когда напудрен и слегка небрит...»

Вера тихонько улыбнулась про себя.

Тут надо заметить, что Алик, будучи в фирме кем-то вроде менеджера– консультанта, настолько рьяно выполнял свои обязанности, что в целях рекламы предлагаемой продукции, иногда лично укладывался в гробы, дабы убедить заказчика в высоком качестве предлагаемых услуг. Однажды, Вера лично присутствовала при этом, еще, не будучи сотрудником "Тихого Места", а просто наведавшись в гости к Светлане, и попав, аккурат, в разгар представления в выставочном зале. Особенно интересно было наблюдать за тем, как «покойник», не выходя из гроба в порыве энтузиазма менял различные виды брюк, любезно предоставленные дочерним

ателье при комбинате ритуальных услуг. Клиента он, кстати, убедил. За что Алика и ценили.

«Интересно, а в Родионовича гробу этот как его... Подкладной что ли?.. Полежал?»— подумалось Вере. — «Блин, точно, Подкладной — так они его на фирме называли. Вернее называют, тьфу-ты... Чокнешься тут с ними со всеми, неупокоенными».

И тут Веру отвлекли.

х х х

...Квадрат 364. Район дислокации неизвестен. Состав группы неизвестен готовность...

— Знаешь, я думаю, что если бы все люди как можно дольше оставались детьми, то весь этот кошмар никогда бы не начался...— негромко говорил человек в маскировочном халате с неразличимым в ранних осенних сумерках лицом.

— Да ладно тебе, не тошни! Это очередная избитая истина, — буркнул второй медведеподобный собеседник с тяжелым армейским пулеметом за плечами.

— Ты посуди сам, — не обращая внимания на пожелание не тошнить, продолжил первый, — Почему, блин, мы, такие симпатичные в детстве, в ходе нашего долбаного взросления превращаемся в таких моральных уродов, как, например, ты старлей? А? — и он исподтишка глянул на собеседника, не

обиделся ли?

Обиделся понятное дело. Ткнул с правой в бок, реакция еще та.

– На себя погляди, сын Дауна. Твоя проблема в том, что ты повзрослел слишком быстро.

– Ша, Медведь. Не спеши убивать. Ну, представь на миг, что если бы взрослых не было вообще и они не оказывали бы своего пагубного влияния на неокрепшие детские души...

– Это вас во ВГИКе такому учили? – буркнул старлей, подкидывая поудобнее на плече пулемет.

– Жизнь я постигаю самостоятельно, – отрезал собеседник, – ну вот представь...

– Такого не может быть никогда.

– Тю, я ж и говорю, представь. Не можешь?

Старлей снисходительно промолчал.

– Точно не можешь. Что ты вообще можешь?

– По роже тебе дать, – зевнул медведеподобный.

– Вот именно, – огорченно констатировал философ.

Какое-то время оба шли молча, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в утреннем тумане. Один ладно скроенный, подвижный, среднего роста, другой огромный, неторопливый. Потом старлей вдруг произнес:

– А они бы росли?

– Кто? – встрепенулся бывший студент.

– Ну, дети, а кто ж...

– Ммм... Росли бы, наверное.

– Тогда представил... Теперь...

Снова возникла пауза.

– Знаю, – старлей чуть поправил пулемет. – Знаю, что бы из этого получилось!

– Ну...

– Наша Земля превратилась бы в планету населенную детьми с большими х...ми... Такими как ты, капитан.

Капитан зашелся беззвучным смехом и вдруг застыл, замер, едва заметно напрягся и левой рукой сделал прекрасно известный напарнику знак: "ВНИМАНИЕ".

– Все, Толяныч, с этого места тихо...

И звуки исчезли, группа выходила в квадрат. Двух беззаботных балагуров уже не было, были тени, была осень, и был безмолвный печальный туман.

Проделав за следующие пятнадцать минут около двух километров, капитан со старлеем не произнесли ни слова и ничем не выдали своего присутствия.

х х х

– Выпьем за то, чтоб свершилось то, что я задумала...

тост

Глава I. О загадочной стране Итакдалии, и о том, как юный Марсильяк окончательно разочаровался в политике.

– Герцогиня имеет скверную привычку давить тараканов руками.

Я усмехнулся, и Джереми скептически сложил свои тонкие губы.

– Это у нее наследственное. А что ты хочешь? Голубая кровь. У всех свои причуды. Покойный король развлекался крысиными боями, герцогиня давит тараканов...

– Кардинал макает мух в розовое варенье и кормит ими епископов... – продолжил я эту логическую цепочку, но Джереми отрицательно покачал головой.

– Тут ты не прав. Священнослужители не являются особами голубой крови. Вот содомия...

– Стоп. О больном ни слова! – я захлопал в ладоши, Джереми снова скептически улыбнулся и мы продолжили свой путь по гулким коридорам замка.

– Кстати, монсеньор, они наверняка слышат каждое наше слово. – Произнес мой скептически настроенный приятель, а я церемонно раскланялся во все стороны:

– Приятного прослушивания. Дьявол! – разумеется, моя шпага не упустила случая зацепиться за шпору. И кто их придумал? Наверняка не лошади. Я высказал это вслух.

– Мясники, – немедленно отозвался всезнающий Джереми, – для того чтобы мучить животных еще при жизни.

– Перестань, конина не годится на колбасу!

– А кто же тогда годиться?

– Ну не знаю. Кто угодно, но конину я не люблю.

– Заметно. Вы монсеньор, вообще никого не любите, последний раз я об этом слышал вчера, нет, простите, сегодня. По-моему было уже за полночь.

Иногда он бывает просто невозможен.

Бесконечный коридор оказывается вовсе не был бесконечным. У сводчатой двери нас поджидал цинично усмевающийся слуга, разумеется, в ливрее и самодовольство на его неприятном лице с цинизмом сосуществовало удивительно гармонично.

Нехотя он поклонился, чтоб вам так всю жизнь кланялись! И двери, наконец, отворились, давая нам, возможность оказаться внутри, что мы и сделали, перейдя туда из состояния снаружи.

– Что ты там бормочешь?– донесся до меня голос Виконта.

Я промолчал, для того чтобы делиться с ним сейчас своими мрачными предчувствиями было не время и не место. Потому позволю себе сказать пару слов об этом бездельнике Джереми Леко, таким было его полное имя. Этому оболтусу было двадцать, как и вашему покорному слуге. Мы выросли вместе, и он являлся моим личным оруженосцем и телохранителем, а еще и верным товарищем по разным недобрым делам и собутыльником к тому же. Был он сирота и происхождение его мне, например, до сих пор неизвестно. Прибился в свое время на конюшню, а после, используя свой

несомненный талант держать нос по ветру, сумел дорасти до указанных выше высот, благодаря моему дорогому батюшке и конюху Жаку.

Виконтом же он стал с моей легкой руки, так как в свое время частенько мы развлекались тем, что выдавали себя друг за друга.

Теперь немного о себе и о родителях. Дабы быть последовательным в моем повествовании.

Батюшка мой, великолепный гасконский дворянин де Марсильяк, не сумел придумать ничего более интересного, чем зачать меня от собственной кухарки, потом, разумеется, вполне в духе того времени отправить ее в монастырь и усыновить меня в качестве приемного сына. Кстати, о моей матери в нашем доме говорить было не принято, меня ей не представили, я вообще подозреваю, что батюшка сразу же передал меня кормилице после рождения, и о ее судьбе у меня были довольно смутные представления. Кроме всей этой душещипательной истории, мое не совсем законное происхождение ставило под сомнение перспективы на получение графского титула в полном смысле этого слова, но батюшка объявивший свету о моем усыновлении, наградил меня виконтством. Без права наследования, разумеется, ибо законных наследников хватало и без вашего покорного слуги. Видимо он берег меня для какой-нибудь войны, чтобы не отправлять на защиту отечества своего законного наследника. О нем сейчас рассказывать мне не хочется. Не сложилось,

бывает...

Со временем мои опасения по этому поводу подтвердились, так как меня зачислили в гвардию.

– Ничего, – ответил я и прикусил язык. Дурацкая все-таки привычка все время к месту и не к месту выражать свои мысли вслух. Тем более, когда их нет. Как учит нас история и наставники, эта привычка еще никого никогда не доводила до добра, впрочем, если не считать пресловутых гусей, которые, якобы спасли Рим. Хотя и ненадолго. Тем более что потом их наверняка съели, как я подозреваю.

Вообще, писателей я считаю еще глупее обычных философов, за то, что они не только извлекают из себя время от времени разные глупости, но еще берут на себя смелость эти глупости переносить на страницы книг, в тайной надежде, что кто-нибудь когда-нибудь этот бред будет читать.

Я тяжело вздохнул и покосился на Джереми, тот, кстати, был обычным философом и никогда ничего не записывал, наверное, не умел. Я же иногда совершал такой грех, и стало мне стыдно.

Хотя... Писатели, вот кто настоящие ловцы человеческих душ! Сидит себе, понимаешь ли, человек, вроде бы все ничего, книгу читает, ах нет, чего! Нет его здесь, был, да весь вышел. Разум его витает в местах иных и весьма отдаленных.

Это как любители трав. Рвань, голь, извращенцы, но взгляд неземной! Обкурятся всякой дурью и витают по своим неведомым мирам. Так и ты уважаемый читатель...

Тут Джереми произнес:

– Итакдалия...

И я фыркнул, вызвав недоумение окружающих. Вот всегда он так! В самом неподходящем месте. Я всегда фыркаю, когда он так говорит, и гад это знает. Он прямо раздувается от гордости, ну чистый индюк!

Вот и сейчас... Любит он людей в неловкое положение ставить, а шутка-то сама по себе плохонькая, так себе. Просто однажды наш великий и ужасный папа на чуть менее великом, но не менее ужасном дворянском собрании позволил себе дать нам повод поизгаляться в остроумии. Перечисляя наших потенциальных врагов в борьбе за европейские сферы влияния, он, будучи в некоем раздражении, произнес вполне невинную фразу:

«Надоели мне тут все ваши Австрии, Англии и так далее...» При этом он сморкался в платок, и окончание фразы несколько смешалось.

Под «и так далее», он имел ввиду одно небольшое государство в центре континента. С нашей легкой руки, разумеется, за ним тут же было закреплено новое название. Впоследствии у Итакдалии появились свой флаг, герб и гимн. Имя это стало нарицательным и использовалось нами как сигнал для начала беспричинного веселья в самых неподходящих для этого местах. Как сегодня, например...

Я огляделся, присутствующие смотрели на меня весьма прохладно. Немудрено, о хорошем вкусе они могли только

мечтать.

Герцогиня была в немислимых мехах и кажется в парче, хотя не могу об этом уверенно утверждать, ибо в подобных вещах разбираюсь слабо. Весьма возможно, что называлось все это великолепие иначе, но било по глазам до мозгового озноба. Я посочувствовал несчастным тараканам, когда прикоснулся губами к ее холодной руке с длинными узкими пальцами. В них чувствовалась нестигаемая сила и бесконечная уверенность в собственной правоте. Не люблю таких женщин! И вообще никаких не люблю.

... Прощай унылая звезда!

Привет уютная постылость!..

Кто же это сочинил? И я снова покраснел, ибо вспомнил, что иногда еще балуюсь рифмованием слов, а так же то, что меня ждет Лиз.

— ...приветствовать вас ...— донеслось откуда-то из созвездия Андромеды, и я прислушался. Герцогиня де Лонгвиль изволила говорить, не разжимая губ и глядя на нас с Джереми как-то странно, то ли с презрением, то ли с легким отвращением. Впрочем, я повсюду таскался с этим бездельником, и в глазах герцогини он был не более чем моя тень. Поговорив еще немного в общих чертах, свою прислугу правда она, наконец, отослала.

"Ну и черт с ней..."— подумал я и от нечего делать стал

слушать. А послушать было про что...

Эта дама делала упор на международное положение. Ну, наверное, ей так интересней. Наша несчастная Франция, как мне кажется, становится еще несчастней из-за таких вот дамочек, когда они лезут в политику. Нет, я ни в коем случае не считаю, что политика является сугубо мужским занятием, я вообще считаю, что уважающий себя мужчина может и себе и подобным дамочкам найти более полезное и менее обременительное применение, но, увы, увы... Жизнь диктует свои законы, а дуракам, как известно законы и вовсе не писаны...

Ладно, я несколько отвлекся, послушаем, чем нас будут развлекать на сей раз, надеюсь. Что не тараканами. Но я ошибся, тараканы как раз полезли из всех щелей, они состояли из букв и складывались в слова, и источником их был как раз рот герцогини, или ее чрево. Она и впрямь была похожа на одного чревовещателя, я его на ярмарке видел. И говорили они одинаково, не разжимая рта. Чертовски неприятное зрелище доложу я вам...

Я обвел глазами пространство в поисках Лeko и его поддержки, но милейший Джереми спал, имеет он такую скверную привычку спать стоя, не закрывая к тому же глаз, тоже мне ярмарочный типаж. Ну и черт с ним, я снова попытался прислушаться к герцогине. Благо пространное вступление подходило к концу.

– Увы, молодые люди, – вещало ее чрево, – я думаю, что

для вас не секрет то, что королевская власть ныне настоль-ко непрочна, что держится лишь на нас, на тех, кто в сии смутные времена сохранил понятия чести и преданность монарху, ибо... – тут она сделала многообещающую паузу, и я понимающе кивнул, за что удостоился благосклонного кивка, – как вы прекрасно понимаете, монархи имеют способность меняться, – снова пауза, – на других монархов, и лишь мы ...

« Вечны», – закончил я про себя, но не угадал.

– ... лишь мы настоящие дворяне, по сути, и являемся истинными символами королевской власти, ибо король без своих преданных придворных... гол...

« Эко, она закрутила!» – я просто восхитился столь шикарным выводом, – « Совсем из ума выжила женщина! Вот оно следствие серьезных занятий политикой. Сначала оголтелый монархизм, потом осознание собственной значимости в истории Франции, а потом климакс и маразм... Надо будет непременно довести сию оригинальную мысль, до Дже, он оценит ее по достоинству...»

Я сделал серьезное лицо. Потому что герцогиня нахмурилась.

– И я надеюсь, что вы мой дорогой виконт...

« О! Это что-то новенькое. Дорогим меня еще не называли, максимум любезным!»

– ... проникнетесь ситуацией. Так сказать всей важностью момента...

« Боже как же они любят красивые слова...»

– и примите наше предложение, зная, что все делается только лишь для блага Франции, укрепления монархии, и, исключительно из соображений чести и достоинства. Да будет на то Божья воля.

Она сложила руки и благочестиво склонила голову. Теперь она напоминала, настоятельницу кармелитку на воскресной проповеди. Мне стало совсем плохо, но я терпел.

« Интересно, чем эта фрондистка так увлекла моего бабюшку? Наверное, в опочивальне она разыгрывает перед ним смиренную монахиню...»

Развить мысль не удалось, потому что графиня продолжала.

– Королева слаба, юный король нуждается в совете и поддержке. И все это должно исходить от людей, знающих, куда должна идти Франция.

« Ага, это она на герцога намекает», – смекнул я. Хотя если честно признаться, я сомневался что ведомая этим выпивохой Бофором Франция, пойдет верной дорогой.

–...Но государству нужны союзники. Иначе государству не выжить в этих суровых условиях...

« Ага, когда слабоумные и напыщенные дамы придут во власть, то конечно не выжить».

– ...потому мы ищем союзников всюду. Война с Испанией с одной стороны на руку нам сейчас, так как ослабляет и без того шаткие позиции этого грязного итальянского прой-

дохи...

« Не вежливо так о кардинале, сказала бы уж лучше прямо – разбойника... »

– ...который возомнил о себе бог весть что, и от имени королевы пытается править страной.

« Да нет, это вы фрондисты пытаетесь править. А Мазарини как раз-то и правит... По мере сил, и кормушку вам он не отдаст ».

Графиня сделала паузу и зашелестела бумагами.

– Мне вот тут писали из Британии. У них беспокойно...

« А то я без тебя не знаю ». Как вы уже поняли, отношение к политике в целом у меня было однозначно негативное, отчасти оно распространялось и на людей, которые имели смелость ею заниматься. Но в курсе последних новостей я был, а уж о наших соседях в Париже и окрестностях не говорил только ленивый. Даже парижские булочники, отъявленные фрондеры, между прочим, и те, кивая в сторону Ламанша, наверняка обсуждали, то бедственное положение, в котором оказался бедняга Карл. Не сегодня так завтра английская корона грозила свалиться с его царственной головы, причем особенно кровожадные булочники утверждали, что и голова свалится следом за короной.

– ... знаю, что политика вас особо не интересует. Но надеюсь, имя Оливер Кромвель вам о чем-нибудь говорит?

« Немного... Она меня вообще тут за тупицу держит? Право слово... »

Я церемонно кивнул.

– С Вашего позволения...

– Так вот, не буду вас томить и устраивать долгие... – графиня покрутила в воздухе веером, очевидно, она сама уже поняла, что порядком заговорила.

«Ну наконец-то, а то скоро стемнеет, а я еще толком и не выспался».

Ночью с моим верным Дже мы планировали одно приключение, причем приключение, связанное с дамами политикой не интересующимися.

Герцогиня вздохнула, или, по крайней мере, сделала вид, что вздыхает.

– Дело сугубо деликатное, даже можно сказать семейное... Мы обсудили проблему с вашим батюшкой...

«Не сомневаюсь...»

– ... и весьма рассчитываем на вашу помощь. Ну и разумеется, вашего... Ммм... Помощника.

«Ого! Дело серьезное, даже Дже получил повышение. Могла бы сказать, слуга».

– У одного значительного человека по ту сторону Ламанша, особы, весьма приближенной к небезызвестному нам генералу Кромвелю, есть воспитанница. Она ему как дочь... Буду говорить прямо, но для нашего движения было бы весьма полезно, если бы сын... – голос герцогини предательски дрогнул.

«Прекрасная актриса! Как раз для рыночной площади!»

– ... столь влиятельного человека, коим является...

« А точнее будет являться в случае победы Фронды... »

– ... батюшка. Заключил бы пускай фиктивный, ну вы понимаете о чем я, брачный союз с этой мадемуазель... Тем самым...

И герцогиня вновь стала грузить меня высшими политическими соображениями.

Нет, не подумайте, я вовсе не был удивлен, от этих радетелей французских интересов ожидать можно было чего угодно, но женить меня на какой-то англичанке... Нет я буду решительно протестовать. И дождавшись пока волна политических доводов в пользу этого чудесного во всех отношениях брачного предприятия несколько иссякнет, я многозначительно, как мне показалось, прокашлялся и произнес:

– Герцогиня, я право слово в некоторой растерянности... Но, тем не менее, по горячим следам имею несколько возражений.

Герцогиня важно кивнула и сделала такое лицо... Словно, ну представляю я прекрасно ваши возражения.

– Так вот, – я был решителен, – во-первых, все это несколько неожиданно и мне требуется время на размышления, ибо в ближайшее время я как-то не планировал подобные предприятия. Во-вторых, по кандидатуре невесты, – я выделил это слово, а герцогиня снова снисходительно улыбнулась. – Эта мадемуазель, как вы изволили выразиться мало того, что англичанка, помимо этого она еще и гугенотка... И

с точки зрения церкви... – я развел руками, Джереми хмыкнул из-за спины, я понял его иронию. Он явно хотел сказать что-то типа: « Нашелся католик истовый... » Но это было не важно.

– И в третьих, почему ваш выбор пал именно на меня, а хотя бы не на...

– Ах! – герцогиня принялась нетерпеливо разбивать мои железные аргументы. – Вы сударь, имеете в виду Тони! Увы, этот молодой человек вот-вот должен будет обручиться с мадемуазель... Впрочем вы все узнаете в свое время, но поверьте Тони также сыграет свою роль, это вопрос решенный...

« Вот как... Понятно, мой братец, это который законный Марсильяк, тоже участвует. Или его участвуют. Интересно, а его мнением хотя бы интересовались... Врядли. Этот бычок, его не имеет».

Я представил надутое толстое лицо своего братца на свадебной церемонии, и чуть не прыснул от подступившего смеха...

Мне все же удалось сдержаться, и я спросил:

– Скажите...

Но договорить мне не дали, герцогиня уже прочно завладела всеми нитями нашей с позволения сказать беседы.

– Ни о чем не переживайте, девушка примет католичество, если этого потребует ситуация. Это вопрос решаемый. А подумать у вас будет время до завтрашнего утра. Ну же

не упрямытесь... К тому же... – она все-таки сделала паузу, небольшую, – вопрос о вашем положении в случае удачного исхода нашего предприятия, также решаем и ваш батюшка уже согласился на то, чтобы ваше виконтство обрело, скажем так, реальное воплощение. Деревни ... Тюр... де Ше... Ах! Я вечно забываю эти названия. Он сам просил меня сообщить вам об этой приятной новости, а подробности вы уточните. Будут сделаны все необходимые бумаги, и вам не придется более терпеть...

Она не стала уточнять, что и я был ей за это весьма благодарен, а то вполне можно было обидеться. Ссориться же мне не хотелось, жениться на гугенотке тоже, как и на мусульманке, католичке и на ком бы то ни было вообще...

«Черт подери вас с вашей политикой!» Я беспомощно обернулся к Джереми, но тот стоял с ничего невыражающим лицом и явно мечтал поскорее отсюда смыться. Я вполне разделял его желания...

Вуаля!

х х х

Ночью на балконе,
Расстегнув ширинку
Слушал он Чайковского,
А под утро Глинку...

Если бы мой ангел оказался Сатаной, я бы, пожалуй, не удивился. Но то, что он оказался отменным собутыльником, поразило меня до глубины души. Впрочем, мы уже были в том состоянии, когда не удивляешься ничему. По крайней мере, я. Мы беседовали. Я уже разделся до пояса, а мой личный хранитель распустил перья, ну чисто горный павлин, в смысле орел. Он вещал убедительно и, похоже, со знанием дела. Я когда соглашался, а когда как.

– Растения впитывают информацию,— это Ангел.

– Мугу...— это кажется я. Далее по тексту.

– Люди впитывают информацию...

– Погоди...

– А источник ее вода! И с этим необходимо считаться.—

Далее следуют невразумительные круговые движения руками с обеих сторон.

– А вот интересно... Когда вода превращается в водку, какую информацию она несет?

Смех в зале переходящий в овацию.

– Искаженную...

– А насколько искаженную... И насколько ей можно доверять? И можно ли ей доверять вообще?

Пятидесятиминутная беседа о том, что никому никогда доверять нельзя. Ни по ту, ни по эту стороны. Кроме присутствующих разумеется.

– Все мы вышли из воды и в нее же уйдем.

– И это правильно.

Икание.

– А ты говоришь, искусство! Живопись! Балет еще вспомни, мужской.

Экая дрянь...

– Почему дрянь? Мне нравится...

Икание. Бульканье. Опять икание.

– А ты знаешь, человек, что есть основная движущая сила искусства? Страх!

Звон посуды, тост за искусство.

– Вспомни, вспомни. Когда люди строили первый город, что ими двигало?

– Страх?

– Точно, еще и какой! Они отгородились от него стенами, но страх не ушел, он проник внутрь стен и поселился в городах навсегда. И чтобы его заглушить, люди стали пить водку и петь песни, и играть на мерзких музыкальных с позволения сказать инструментах... А водка несла искаженную информацию...

– погоди, значит размышляя...

– ... о прекрасном, мы отвлекаем свои куриные мозги от главного. Страх уйти в Небытие. А бояться этого вовсе не нужно.

Цоканье, звяканье. Тост за искусство. Нет, уже пили. Ага. Тост за мужской балет.

– Какой смысл бояться неизбежного? По логике, бояться нужно момента появления на свет.

- Абсурд.
 - Точно.
 - Ерунда.
 - Обязательно. О! И это тоже, как впрочем, и все вокруг.
- И тут он спросил:
- А слышал ли ты о Хрониках Акаши?..

х х х

Спящая красавица-2. Ремикс.

В смысле две красавицы.

Светка позвонила на третий день. Вера тактично не стала приставать с расспросами, тем более что голос у подруги был еще тот. Глухой и убитый одновременно. Попросила приехать. Да, желательно сегодня. Да сама. Вера приехала.

Выпили. Посидели. Покурили. Разговор не клеился. Ощущения остались весьма тягостные. Потом некоторое время от подруги снова было ни слуху, ни духу. По цыганской почте пришло сообщение, что на Светкиной фирме новый начальник. Чтож, свято место... Жизнь входила в колею и тут...

...Светка примчалась ближе к полуночи. Растрепанная, страшная. Галопом пронеслась на кухню, залпом выпила стакан водки, трясущимися руками выложила на стол пачку сигарет и небольшую икону, а после, шаря руками в поисках зажигалки, объявила:

– Едем...

Вера стояла в дверях в пижаме. У нее жутко болела голова, и ей хотелось спать.

– Куда?

– На кладбище!.. Ыыы...– Светка, наверное, от отчаяния, полезла прикуривать от плиты и опалила локон.– Черт...– сплюнула, перекрестилась на икону.

Вера тяжело опустилась на табурет.

– Он это ОН...– со значением произнесла подруга и стала прикуривать еще одну сигарету. Первая осталась на плите. Светка тряхнула обгорелым локоном и добавила:– Ты понимаешь?

– Нет,– честно призналась Вера.– Давай по порядку.

Светка кивнула, налила еще, выпила, затянулась:

– Будешь?

– Давай...

Некоторое время было тихо, только гудел огонь, и лилась огненная вода.

– Он это ОН...– повторила Светлана.

– Да кто?– морщась от вкуса, спросила Вера.

– Да это Желудинский,– подруга махнула рукой в окно.

Там была ночь.

– Какой Желудинский?

– Ну, новый начальник...– Светкины глаза заблестели, кажется, ее отпускали. Она противно хихикнула,– Родион и Желудинский близнецы брата, кто больше матери... ИК...

иКстории ценен... Твою мать, Вера. Ни черта ты не понимаешь. Мы, блин, говорим Родион, подразумеваем Желудинский, а блин, говорим Же... ха-ха... лудинский подразумеваем... Кто? Правильно, Родион!

Она погрозила Вере пальцем и захохотала.

"Клиника", – поняла Вера. – "Надо что-то делать".

Светка словно прочитала ее мысли и, оборвав смех, стала жарко шептать, крестясь и разливая водку:

– Я и говорю, правильно. Надо что-то делать. Надо ехать к тебе... ой, ну не в смысле... короче на кладбище, и вскрывать могилу. У меня предчувствие, что Он это ОН... Пони-маешь? Он только пришел после похорон, и сразу почти туда. А я вся на нервах. А гляжу, а у него все Его и руки и повадки. И смеется так гадко. Вылитый Родион. И рост и вес. И... – она снова зарыдала, – а глаза... глаза... мертвые...

Какое-то время опять было тихо. Слышались только Светкины судорожные всхлипывания.

– А потом, потом я поняла. Они... – Светка указала пальцем в потолок, – Они все мертвые...

– Кто?

– Ой, какая ты дура. Да они же – начальники. Как ты не понимаешь... И дети их мертвые. Мне бабка говорила давно, я только сейчас поняла. "И по плодам их вы их узнаете..." Вот так оно в библии. Точно. И руки и ноги. И за зад точно так щиплет. И смотрит... Я тебе так скажу, подруга, Родион, он не умер. Ха...

На улице громко зазвонил трамвай, Светка нервно дернулась, икнула. Потом глупо и неестественно рассмеялась.

–Рифмочка образовалась. Он – Родион... Маловато будет,– снова забулькало.– Этот. Этот, блин, Желудинский – он дьявол. Как Дракула. Он всегда был, они не умирают, они только обличия меняют и все... А гроб он пустой должен быть. Я тебе точно говорю, там они бомжа похоронили. К нам же налоговая приходила, счета смотрели, вот он и умер... А Желудинский, точно дьявол... Только ты не говори никому, хорошо?.. А то они...

Она уснула прямо за столом. А Вера еще долго сидела у окна и пила в одиночку, глядя на Светкину икону... Заснула она под утро.

..Солнце заливало старенькую кухню. Света, икона и водка отсутствовали. Вера позвонила на работу и сказала, что заболела. И это было действительно так.

А вечером пришли какие-то люди и сказали, что Светлана Игоревна Прохорова погибла при странных обстоятельствах и они хотят задать несколько вопросов.

х х х

...разделение уничтожено или пропало без вест...

А впрочем, все это уже было когда-то. Наверное, очень давно. Это конечно как посмотреть. Но все же...

Коновалов потряс головой, было такое впечатление, что она находится отдельно от тела. А тела словно и не было вовсе, хотя почему не было? Было оно... Вот лежит... Внизу... И...и голова на месте. Вроде бы... Прикол. Только руки как-то вывернуты. Идиотизм. Ну, неудобно же так лежать!

Мысли еще разрозненные и не вполне внятные собирались воедино. Смысл происшедшего медленно доходил до капитана Коновалова.

«И так, я умер! Странно... А впрочем, что тут странного, все умирают, и Толянч вон умер. Глупо конечно, это да. Но не странно. Вся эта славно спланированная операция. Совершенно секретная, твою артиллерию! Ножи в темноте, еб... Ни звука, ни пыли! И никаких рек крови. И, о чудо, налет собственной авиации! Прекрасный финал с неожиданным концом... Для нас с Толянчем... Как там... Ммм... И никто не заплачет над...»

Созерцание нижнего пейзажа с собственными останками уже не грело, да и пейзаж нижним можно было назвать с большой натяжкой.

Он как бы с боку находился от парящего с другого бока капитана.

«Но я то почему не ощущаю себя мертвым. О, Боже! Неужели я так завис навсегда?»

Вспомнилось:

—Ну-с скажите, уважаемая, как устроено мироздание?

—А чего там, профессор. Земля находится на четырех сло-

нах, или трех? (количество слонов уточняется... гы-гы) А внизу большая (большая?) ну очень большая черепаха.

–А под ней что?

–Еще одна черепаха!

–А под той?

–Еще одна

–А под...

–Ой, профессор не морочьте мне голову! Там черепахи до самого низа!

Коновалов с облегчением рассмеялся. Смех был серебрист на ощупь и похож на лепестки. Душе капитана стало легко-легко и абсолютно расхотелось возвращаться в эту с боку лежащую окровавленную грудку костей. И все же было немного грустно, чуть-чуть...

Светящаяся воронка появившаяся из ниоткуда манила и притягивала. Уйти в нее казалось совсем естественным, тем более, что идти, бежать, лететь было уже как бы и некуда.

«Эх, Толяныч! Понеслась душа в рай! Гребаные летчики! А где он сейчас, кстати? Странно, не отзывается».

Откуда-то донеслась музыка. Может быть из прошлого, а быть может ассоциативно навеяло. Коновалову было без разницы, и он поплыл навстречу звукам...

..Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Глава II. О том, как юный Марсильяк делает удивительные открытия там, где ничего нового для себя открыть не предполагал.

Не знаю, почему я к ней привязался. Ну не было в ней ничего особенного. Правда некоторые умники, как например Джереми, утверждают, что в женщинах вообще нет ничего особенного, мне это мнение, откровенно говоря, претит. Ну, нет и нет, чего тут говорить, никто и не спорит, но, в конце концов, самое ценное, что есть у нас в этой жизни, это хорошее настроение, потому и рисуем мы себе сказочки время от времени, от скуки или от скудоумия, кто его знает?

Это как конфетка в детстве, съел ее и все, кончился праздник, но пока не съел! Вот оно! Обертка красивая, блестящая, шуршит, переливается. И главное... предвкушение! А потом... Ну да, скептики вы правы: ожидание праздника много лучше его последствий.

Так и с ними несчастными.

Я зевнул и сонно поглядел вокруг. Обзор ухудшала женская растрепанная прическа, если ее можно было теперь назвать таковой. Кроме того, чье-то недурно пахнущее тело давило мне на грудную клетку и при этом пыталось подвигнуть меня еще на какие-то подвиги. Нет уж, на сегодня хватит. Шесть часов подряд, пора и честь знать.

Лизбет ласково провела пальцами по моей переносице, ненавижу, когда она это делает!

– Ты иногда бываешь такой странный... Как бы я хотела узнать, о чем ты сейчас думаешь...

Я зажмурился.

« Не дай бог... »

– Конечно я дура набитая, но я...

« ...Люблю тебя... »

– Так люблю тебя...

« Дьявол! Почти угадал... Святая простота... »

– А ты никогда не говоришь о своих чувствах...

« ...Все вы сволочи одинаковые... »

– Впрочем, все мужчины оди...

Мне стало скучно, и я стал неспеша собираться. Лизбет встревожено поглядела на меня.

– Знаешь, Лизбет, в детстве всем нам в основном рассказывают, какие мы хорошие, славные и это настолько проникает в наш мозг, что потом нам приходится жить с этим всю оставшуюся жизнь... А на самом деле, мы... Чего притихла?

– Не хочу тебя перебивать.

– А, ну так вот... Это естественно, как-то, что солнце является источником жизни...

Лизбет, похоже, задумалась.

– Ты иногда бываешь такой странный. Постой, выходит, что мы всю жизнь...

– Да, да, да... Страдаем манией величия.– Продолжил я,– Это болезнь.

– Болезнь...– она притихла, а я быстренько стал одевать-

ся, чувствуя, что за мной наблюдают. Ненавижу пристальные взгляды на мою обнаженную натуру. Кстати я обнаружил, что Лизбет гораздо приятней выглядит спящей, чем бодрствующей. В спящей женщине больше сюрпризов. Надо будет непременно рассказать об этом виконту. Не забыть бы...

– Когда ты придешь?– послышался голос из-за спины.

«Начинается. Армия построилась и готова выступить. Знамена развернуты. Барабаны бьют. Выходит маршал и командует... Отступление!»

Я повернулся лицом к извечному противнику мужчин, и, сделав страшное лицо, прорычал:

– На тррретий день! С рассветом!– после чего изобразил реверанс и степенно удалился. Прав был сказавший: «Все вещи всего лишь такие, какими мы их представляем». Именно так, не лучше и не хуже... Жаль не помню, кто это был, но ведь наверняка, кто-то так сказал иначе, откуда у меня такие глубокие мысли после... сами знаете чего.

х х х

Итальянские каннибалы в Голливуде:

А пока что для почина
Ты попробуй Аль-Пачино.
А попозже для гарнира
Закуси-ка ты Де Ниро...

Живая память человечества. Вот так ни больше, ни меньше... Увы и ах... Вспомнить себя, вспомнить утраченное... Ладно, я вспомню, но ты не задрачивай... И резонный вопрос вдогонку: "А на хрена?", но это уже просто эмоции, которые...

Но почему я? Почему не какой-нибудь Арни Джонс или Хулио Педро Рамирес из Барранкильи? Нет, я конечно рад, польщен и пр. Но все же... А вы, вы блистательные и просвещенные высшие силы ДОБРА, вы не можете справиться? Не могут, ибо, блин у них аргументы... Один я знаю достойный аргумент, это когда бабло побеждает добро. А фигушки. Ишь как выкрутил. Только человек, человечек, человечиска... Типа вам это надо – вы и делайте, а не сделаете, значит, так тому и быть и гореть вам в геенне огненной дальше. Аминь. Что ты ему докажешь, подкованный такой, да еще и летает к тому же... Наверное. Тоже мне руссо-туристо, об-лико-морале...

«Эй, ты летаешь? Или это бутафория. Идиотов запугивать?»

«Я тебе дам сейчас бутафорию, а ну посторонись...»

«Все верю, верю».

И внимание! Самое неприятное: нет ни одной веской причины, чтобы отказаться, например, семьи, детей, служебного положения или того же самого, но в обществе... Нету. Ничего нету, и никого. Так, а водка у нас еще есть? Есть. Уже

хорошо. Тогда другой вопрос:

«А сколько у нас водки?»

х х х

..У крепко уснувших красавиц древнего Египта, после смерти вырезали сердце и иные органы, после чего помещали их в четырех сосудах. После этого тело мумифицировали и закрывали крышкой...

Часы тикали неестественно громко.

«Вот так, наверное, будет после конца света,— подумалось почему-то Вере,— Все умрут, а часы чудом сохранившиеся будут тикать, тикать... Интересно, а если времени уже не будет, то, что они будут считать?»

Пауза неестественно затянулась. Откуда-то из мрака, в котором уютно притаилось сознание, выплыл голос. Слова растягивались и сворачивались в кольца, словно удав из мультика про Маугли.

«Вы слышите меня вандерлоги?!...»

«Мы слышим тебя Каа...»

«Вы слышите меня гражданинка?!»

Слегка кивнуть головой...

«Вы так и не ответили на вопрос...»

А что отвечать? Отвечать что? Нету Светки... Нету... В морге, наверное, на столе... Некрасивая...

Вспышка. Еще одна.

«Вы так и не ответили на вопрос...»

Свет хлынул в глаза, казалось что отовсюду. Вера сидела на полу рядом с рухнувшей табуреткой. В комнате было ужасно накурено и почему-то холодно. Первый следователь поглаживал левую руку после удара и морщился, второй в очередной раз закуривал Верин "Пэл Мэл". Свои у него уже кончились.

– Так мы с вами, гражданка, ничего не добьемся... – устало произнес он. – Вы бы хоть себе отчет отдали, наконец. Ситуация-то патовая. Ну не могла ваша подруга в одиночку плиту своротить, даже в состоянии аффекта. Вес не тот. Значит, помогал кто-то. Пусть не вы. Но двое это уже группа. Был сообщник-то, был. А вы заладили как попугай, не знаю, не знаю. Вы же с ней тут считай, целую ночь проболтали. Должна она была вам сказать. Не лепите горбатого, в конце-то концов...

Вера пошевелила разбитыми губами и прошептала:

– Я ничего, правда, ничего не знаю...

– Ооооо!.. – закатил глаза первый, – Я ее сейчас прямо тут порешу...

– Успеется, – поморщился первый, – Ладно, Вера Анатольевна. Помогать следствию вы не желаете, потому делаем мы вывод, что увязли вы по самые уши в этом дерьме. Сейчас мы поедем в одно место и сделаем там укольчик... А то и вправду время теряем неизвестно на что...

Второй огорченно вздохнул и пнул Веру ногой:
– Подымайся, сука...

х х х

Египет символизирует мужское начало/ подземный город/

Озеро Титикака – женское

Тибет – нейтрален

/библиотека Острова Солнца Moorea... неразборчиво...
дата не определена/

Далее следует перечень непонятных символов ∞¥,(и далее совсем неразборчиво...

Небо тут было странное. Неживое с застывшими барашками облаков, притом что ветер иногда дул, и порывы его порой были сильны. Но не сегодня. Сегодня все застыло, и воздух был вязким и липким как мармелад.

Коновалов лежал на спине посреди ромашкового поля и смотрел вверх. Головой он упирался в трак неведомо откуда взявшегося здесь посреди этого поля полусгоревшего танка и тупо ждал, когда ему это занятие надоест. Он искал причины, по которым должен встать и куда-нибудь пойти и чем дольше он лежал, тем меньше причин находил.

Мысли текли вяло, и капитан пару раз принюхивался, пытаясь уловить запах тления от самого себя, но не находил.

Тут, похоже, вообще не было запахов. Коновалов сорвал ромашку и попробовал стебелек на вкус. Вкуса не было, никакого. И вся она была, как пластмассовая что ли. Хотя на вид очень даже и ничего. Как настоящая. Поставь рядом с живой и не отличишь.

В целом все это было похоже на глупую компьютерную игру. Почему глупую, Коновалов так и не смог себе объяснить. Может быть и умная она была, тут от создателя зависит. От замысла, в конце концов. А с другой стороны и предыдущая жизнь капитана, тоже особо замысловатой не была. Ну, жил себе человек, жил. Потом взял, умер. А смысл этого всего так ему и не открылся, а ведь сколько раз сам себя, да и друзей успокаивал.

«Да ладно мужики! Проживем, увидим, узнаем все. Может и есть в нашем существовании какой-нибудь смысл... Дурак. А многие верили, задумывались».

А тут все не так. Почему?

Наверное, потому что он не умирал, нет, не то. Пару раз он все-таки умер, но не по настоящему, понарошку что ли. Первый раз тогда, когда его в пещере опутали конечностями эти ужасные членистоногие неизвестного происхождения, и его знаменитый АК дал сбой в самый неподходящий момент. И потом когда налетел этот синий вихрь, и откуда он взялся? Капитан слишком поздно вспомнил о том, что нужно просто хлопнуть себя по правому карману, тогда срабатывала защита. Эти знания, тоже пришедшие вроде бы сами собой, были

похожи на инстинкт животных. Иногда капитан ловил себя на мысли, что поступает определенным образом, потому что знает надо поступать именно так. А почему так? Этого он и в прошлой жизни не знал,. Нет конечно многое познавалось методом проб и ошибок, а некоторое... Но в принципе это его уже стало забавлять. Неприятно, конечно, каждый раз чувствовать, как жизнь покидает твое молодое тренированное тело, но был в этом все-таки какой-то наркотический кайф, вроде, и страшно, и больно, но все равно это все понарошку, и опять очнешься на каком-нибудь острове или в пустыне, или еще где-то, живой и невредимый, и никакой тебе больницы. Сафари, блин! Точно, бесконечное сафари для одинокого капитана.

Поначалу он задавался вопросами, а потом плюнул и просто стал получать удовольствие, ведь он все равно умер, еще там, на Земле, под бомбежкой, этой нелепой авиационной бомбежкой, значит все, что с ним происходит теперь, это просто жизнь после смерти и все. Значит так нужно, значит, это он заслужил, а кому-то досталось что-то другое. Наверное, здесь это нормально, принято здесь так, и теперь с этим надо жить, или как сказать правильно? Черт с ним, неважно.

В конце концов, он обычный офицер, что он мог еще ожидать? Коновалова даже не интересовало рай это или ад. Какая собственно разница. Есть занятие, есть цели, есть противник. И более того присутствует определенная свобода выбора. Стрелять или не стрелять, вправо свернуть или влево,

затаиться или переть напрапалую?

И еще что-то было в этом. Он боялся сам себе признаться, но разок все-таки признался потихоньку. Черт побери, ему это нравилось. Да он отдавал себе отчет, что, похоже, его куда-то заманивают обыкновенно, и может быть не надо куда идти или бежать, а может быть надо улечься и прочитать «Отче наш», но к стыду своему молитв капитан не знал никаких, лежать и ждать неизвестно чего абсолютно не хотелось, а потому оставалось играть по неизвестно кем придуманным для него правилам, что он и делал.

Он тряхнул головой. Хватит. Кто там у нас следующий? И что за оружие у меня на этот раз?

х х х

Глава III. В которой юный и неромантический Марсильяк отправляется в путь, а добрый и остроумный виконт нарекает его аргонавтом.

Мне нравилось это ощущение. Я называл его ощущением Пути. Вроде бы все как вчера и тот же опостылевший пейзаж вокруг и тот же унылый дождь, ан нет, шалишь... Он перед тобой. Путь. И мысли в голове абсолютно иные и настроение приподнятое непонятно отчего, и конь бьет копытом как дурак... Тоже в предвкушении что ли?

Ему то чего предвкушать? Наверняка от седока заразился

непонятным восторгом и не менее непонятными надеждами.

И что ему с них? В смысле седоку... Что изменится в его никчемном в целом пребывании на свете божьем из-за того, что понесет он свое брненное тело из одной пускай опустыленной точки пространства в другую к тому же пока неведомую? В чем смысл его почти щенячьего восторга из-за того, что тело сие намеревается преодолеть некоторое расстояние, сидя на теле смиренной твари, обученной перевозить подобных ему (читай – седоку)? И, тем не менее, ожидание, предвкушение чуда...

Путь. Джереми Леко прервал мои возвышенные размышления громким пуком. Вот так всегда.

– Овощной суп... – пояснил этот плебей. Я глубокомысленно промолчал, лошади шарахнулись. Виконт довольно заржал.

– Прохладно, однако... – продолжил он, провоцируя меня на продолжение беседы. Мне беседовать отчего-то совсем не хотелось, к тому же было действительно прохладно, и вообще вся эта поездка мне абсолютно не нравилась. Можете смело назвать меня пессимистом, но согласитесь, что заключать браки в интересах королевства, это ужасное, просто немыслимое насилие над личной свободой брачующихся, а особенно над моей. Станные все-таки мысли иногда приходят в головы сильных мира сего, я имею в виду моего любезного батюшку, и, разумеется, герцогиню. Кто еще из руководителей Фронды имел отношение ко всей этой затее, я

не знал. Но мог предположить.

Нет, я, конечно, понимаю, что дворянином меня можно назвать лишь отчасти, и опять же государственные интересы я тоже понимаю, безусловно. Но какого дьявола я должен трястись теперь под этим неприятным морозящим дождем в чуждую мне до глубины души Британию, или как там ее... Но с другой стороны...

Я и сам не мог понять, почему согласился на эту авантюру. Разговор с батюшкой, последовавший следом за беседой с герцогиней, новой пищей для размышлений не стал, а лишь укрепил меня в мысли о том, что этот фрондер совсем съехал с ума от общения с герцогиней и болтал не весть что, причем явно с чужих слов. С чьих можете догадаться сами, это не трудно. Да он подтвердил мои полномочия, да он подтвердил обещания заняться моей судьбой, но зачем мне все это скажите на милость? Я вполне был доволен своим нынешним положением, если хотите привык, как привыкают к старой разношенной обуви. И, тем не менее, я дал согласие...

Наверное это все-таки прекрасно иллюстрирует мою неординарную натуру. Ну не люблю я поступать логично. Хотя они были уверены в том. Что я буду бодаться. Наверняка припасли еще аргументы. Наверняка что-то еще было у них припрятано, но я повел себя странно, и, прежде всего, для самого себя.

Нет. Наверное, внутренний голос посоветовал мне отправиться в путь. Это была некая тяга к путешествиям, заложен-

ная во мне в прошлых жизнях. Если они есть... Черт побери! Короче, мы на пути в Англию, и плевать на все досужие домыслы с колокольни Святого Петра!

Джереми снова грубо ворвался в мои высокие материи:

– Да ладно не грусти, не все так ужасно...

Я с ненавистью поглядел на приятеля. Он снова неприятно рассмеялся, есть у него такая привычка.

– Подумаешь неприятность. Жениться его папочка заставил. Все женятся рано или поздно, ну или почти все...

Я пропустил его треп мимо ушей, но настроение между тем испортилось окончательно. Миссию, конечно, мой папочка приготовил мне ту еще. Нет можно, конечно, было заскочить к нему и безо всяких там сантиментов поинтересоваться:

«А не соблаговолите ли Вы, Ваше высочество, дать некоторые разъяснения своему не совсем законнорожденному отпрыску...» Но, но, но... Мне почему-то совсем не хотелось этого делать, а тем более наблюдать, как печать глубокой скорби ляжет на чело этого... даже не знаю, как и обзывать его теперь... И как будут в возбуждении дергаться его холеные ручки и нервно постукивать каблучками его не менее холеные ножки в мягких сапогах цвета дерьма...

Мда... И как губки его произнесут слова раскаяния и сожаления о том, что война это не хорошо, это, разумеется, очень плохо, а люди в силу своего происхождения всего лишь люди, и во всех грехах всегда обвиняют особ, наделен-

ных властью, а это в свою очередь повлечет за собой крупные неприятности, как для репутации последних, так и тех, чьи интересы они защищают. Короче, кисло мне стало совсем от этих мыслей.

«Черт с тобой,— подумалось мне тогда,— ты выбрал этот способ ну и ладно, ну и прелестно. В принципе, кто я тебе такой, папочка? Я прекрасно понимаю, что разгребать дерьмо намного приятней чужими руками, тут я с тобой полностью и целиком согласен».

Хотя ситуация складывалась для нас с Дже весьма неприятная. Дело в том, что как я подозревал, этот английский сэр, как они там себя называют, с удовольствием выдал бы свою белокурую, или какую там еще Присциллу за нашего любезного красавчика Тони, даже, несмотря на его несколько нетрадиционную, скажем так, с обывательской точки зрения, приязнь по отношению к юношам... Ну, вы поняли, что я имею ввиду... Потому что Тони сам по себе, какой ни есть, являлся законным наследником титула. Может быть, этому Ледли на титулы и наплевать, он того гляди еще и маршалом станет, но не думаю, что он обрадуется, когда узнает что за ублюдка ему хотят подослать. Хотя у них там вроде бы все решено, и титул мне обещали... Черт! Как они меня... Но все равно меня не покидает ощущение, что все эти досужие домыслы могут оказаться фикцией и наши с Джереми головы отправят назад отдельно от наших тел, а тут уже возможны варианты. Это я насчет способа их отправки. Я же зато

приобрету ореол мученика, разумеется, посмертно. Вместо титула. Все будут счастливы.

– И это называется дальновидная политика,– пробурчал я вслух.

Джеремии сделал удивленное лицо:

– Да ладно тебе убиваться. Рано или поздно тебя все равно бы принесли в жертву. Это судьба всех незаконных наследников. Лучше представь, какие рожи будут у встречающих нас уродов, когда вместо Тони они увидят тебя. Извини, конечно, но я сильно сомневаюсь, что этих англичан предупредили. Наверняка эти хитрецы наобещали им старшего сына... А впрочем какая к чертям разница, для них скорее всего все французы одинаковы, а вы тем более так похожи...

– В каком это смысле?– обиделся.

– Во всех,– довольный собой сообщил Виконт. Потом сжалился, видя мое огорчение, – Ну-ну не дуйся! Представь эти перекошенные физиономии...

Он не преминул их скорчить.

– Уже представлял... – вздохнул я.

– Ну и?

Я произнес неприличное. Джереми остался доволен.

– Я рад, что мы не теряем присутствия духа.

Я снова произнес неприличное, еще и в рифму. Было ужасно противно из-за всего этого. Подумать только, вчера еще попивая вино с глубокоуважаемым Джереми Леко, мы рассуждали о бесконечности и прочих многоумных глу-

постях, а сегодня вынуждены тащиться черт знает куда на наших бедных лошадках через холодный рассвет трезвые, злые и немного расстроенные тем глупым стечением обстоятельств, которое и привело нас к подобному состоянию. Мысли эти опять же. Как же счастливы должно быть люди обладающие способностью не думать. Ведь есть масса интересных занятий, бильбоке, например, соколиная там охота и прочее. Брр... Мерзость. И вообще на кой мне эта свадьба? Сам бы брал и женился, милейший папенька. Опять же вдовец... Ан нет. Он из тех, кто делает ходы, а потом наблюдает. Наблюдатель в домашнем халате. Удобная позиция во всех отношениях...

Да и Дже тоже чего печалиться, казнят, так казнят, а не казнят, так найдет себе горничную или две и будет радоваться жизни, в то время как я...

Мы остановились перекусить. Стало чуть веселей. Леко с набитым ртом стал давать мне советы по поводу моей будущей семейной жизни. Веселье из меня опять куда-то ушло.

– И вообще,– заявил он,– ты должен быть мне благодарен, за то у тебя есть такой мудрый советник как я. Хотя бы потому, что у твоего папа такого советника нет. Опять же и советы у меня бесплатные.

– Спасибо.

– Но-но. Веселей мой юный друг. Хотя конечно это свинство.

– Тут я с тобой совершенно согласен. Это свинство воз-

веденное в степень.

Джереми поморщился:

– Да я не про то.

– А про что? – я удивился, ибо думал, что он о моем предстоящем бракосочетании.

– Видишь ли, союз мужчины и женщины, бесспорно, тоже является свинством, хотя некоторые личности имеют наглость утверждать, что именно венчание в церкви и отличается как раз род человеческий от свиней. В остальном мы удивительно похожи с этими милыми животными. Лично я заметьте, сэр... Кстати, можно я так теперь буду вас называть. Ой!

Ему повезло, потому что давать пинок под зад, когда сидишь на траве очень неудобно. Чего тогда ойкал скажите на милость?

Меж тем виконт продолжил:

– А я, между прочим, считаю эти союзы, союзами бога и сатаны. Потому что женщина, она от дьявола, не мне вам объяснять. Но я имею в виду другое, – он хохотнул, – свинство я считаю отправлять нас в столь ответственное предприятие без должной свиты, слуг, охраны, в конце концов... И вообще ты, почему не потребовал экипаж?

– Это часть его политики... Хотя за это я ему благодарен. Не люблю я этот официоз. А ты, я гляжу, становишься меркантильным. Или тебе необходимо побольше свидетелей нашего позора?

– Свидетели! – этот мерзавец расхохотался.– Конечно свидетели. А ты как думал? Ты у нас кто? Дворянин, без пяти минут... Тебе просто необходима достойная сану упаковка.

– Ну, это еще полностью не доказано. Может это вообще брехня собачья о моем происхождении. Может я сын рыбака...

– Ага,– кивнул виконт.– И тебя подобрали на берегу после кораблекрушения и принесли в родовой замок, очистив от рыбной чешуи. И добренький Марсильяк нарек тебя Аргонавтом...

– Ублюдком он меня нарек...– буркнул я.

– Да!– обрадовался Джереми,– именно ублюдочным Аргонавтом!– он даже в ладоши захолопал от удовольствия.– И, тем не менее, я желаю, чтоб все было красиво. С фейерверком, расшитыми золотом камзолами и пожарными в бронзовых касках.

– Камзолов не обещаю, а фейерверк – запросто! – я двинул кулаком в направлении столь ненавистной мне в данный момент радостной хари, но, к сожалению, промахнулся, чем привел последнюю в неопиcуемый восторг.

Когда восторг чуть утих, я поинтересовался:

– А пожарные-то тебе зачем, урод?

– Как зачем?– искренне удивился Джереми, – а чтоб пожары тушили, вдруг мы пожелаем чего-нибудь поджечь, как на свадьбе Фернана.

Я непроизвольно втянул голову в плечи. Было дело. Тут

он прав. И самое обидное то, что мысль поджечь платье графини Конкордии принадлежала мне. Конечно, во всем виновато вино, но получилось действительно неудобно.

– Вот,– видя мое ставшее озабоченным лицо, ласково улыбнулся противный Виконт,– вот и ты согласен со мной, что без пожарных никак не обойтись.

– Да ну тебя,– мысли мои потекли в неожиданное русло,– слушай! А может ну его совсем? Давай вообще никуда не поедем?

– Давай! – легко согласился Джереми,– и отправимся скитаться в дальние страны и веси. Станем бродягами и разбойниками, сколотим шайку себе подобных, и будем дерзкими набегам нарушать спокойствие старины Карла. А потом возведем тебя на трон и женим...

– На Присцилле.– заключил я, и мы впервые с момента нашего отправления облегченно расхохотались.

х х х

**Видя Мишкину тоску,
а он в тоске опасный,
я еще хлебнул кваску,
и сказал "Согласный!"**

(Владимир Семенович Высоцкий)

Сегодня мое отражение вело себя странно. Поначалу оно долго не появлялось в поле зрения, потом появилось на миг, хмуро ухмыльнулось и снова надолго исчезло. И вообще странное оно у меня. Вечно хочет выглядеть чуть хуже, чем я есть на самом деле. У меня часто бывает впечатление, что мы с ним вообще два разных человека. Вчера вроде бы pistolетом мне, то есть себе грозило, а потом кажется застрелилось.

Я хотел спросить у него... Или нет, ничего я не хотел, ну его... Отражение это. Просто хотелось на чем-то сфокусироваться, но черт с ним. Обойдемся.

Блин... О! Вода... Вода где-то журчит, точно, где-то далеко, очень далеко идут грибные дожди... Это у меня точно от грибов, подожди, а вчера грибы были? Или нет? Отражение опять на секундочку вынырнуло из окружающего тумана и глупо ослабилось. Вот тварь, не помню. Нет определенно вода где-то рядом. Так и есть, вот она чистая прозрачная струя из водопроводного крана. Я попытался приблизиться к ней. Припасть. Непонятная сила потащила меня вниз, мир в очередной раз перевернулся, и холодный кафельный пол больно стукнул по моему несчастному затылку...

...В следующей серии герой лежал на полу ванной и сосредоточенно рассматривал давно небеленый потолок с ржавыми разводами на оном. Разводы эти складывались в похабные издевательские ругательства, относящиеся к неподвижно лежащему под ними телу, чем медленно, но очень верно,

приводили последнее в состояние тихого помешательства. Потом из великого информационного поля земли выплыла первая устойчивая мысль: «На хрена я так нажрался!»

Мир постепенно обретал упругость и объем. Потолочная графика сложилась в слово «слабак», мозг услужливо добавил: «и пить не умеет». Я разозлился и совершил подвиг – нащупал край ванны и рванул на себя. Ванна как всегда оказалась сильнее, и отражение возникло почти прямо передо мной, ну может быть только чуть-чуть наискосок.

– И уже в 15-м веке он ухитрился изготавливать диоптриевые призмы, – произнесло оно.

– Ну и хули? – поинтересовался я, и картинка исчезла, зато плоть моя, наконец, погрузилась в долгожданный прохладный и оживляющий водопроводный океан, бурлящий и пенящийся как водопад, успокаивающий и приятный как джакузи, светящийся и переливающийся всеми радугами сознания как весенний ручей, нежный, как ангельское... Стоп! Стоп!!! Вот оно ключевое слово... Ангел!

Мое частично умытое мокрое отражение тупо глядело глаза в глаза. Ангел, блин... Ангел... Допился, блин. Мои поздравления, мадемуазель.

Я снова нырнул. Надолго. После вынырнул и снова нырнул. Неясный крылатый образ никуда из сознания не исчез, и исчезать не собирался.

Наконец мое негибкое тело, подмигнув напоследок отражению, выбралось из ванны и наощупь направилось вглубь

квартиры, потому что следующим ключевым словом было «диван». Но, увы, и ах, диван оказался занят. На нем, чинно сложив крылья, восседал мой вчерашний собутыльник и глядел на меня с явным сочувствием. Перед ним на табуретке возвышалась заиндевевшая бутылка «Немирова» и на блюдечке возлежало нарезанное румяное яблочко. Я кивнул, и ангел не заставил себя упрашивать.

Вскоре в мир вернулись все краски жизни, и мысли мои потекли более плавно.

– Чтож Саша слова все сказаны, – негромко произнес ангел, – похоже, тебе действительно пора.

Меня опять затошнило:

– Я...

Собутыльник недоуменно изогнул бровь.

– Ты что хочешь отказаться?

Мне было ужасно неудобно все-таки человек, тьфу ты... с выпивкой закуской по-людски, а я... Но, тем не менее, голова моя неубедительно кивнула.

– Так. – Ангел встал, хрустнул крыльями, словно жестким веером, прошелся по комнате.

– Начнем сначала, – его лицо не предвещало мне ничего хорошего, но терпение было видимо действительно ангельским.

– Может быть, я ничего не понимаю, – саркастически начал он или оно, как его величать в этом смысле я слава богу не знал, – но потрудись объяснить мне одну вещь... Вот си-

дишь ты тут один одинешенек, страдаешь неизвестно отчего. Бросили тебя все, работу потерял, из квартиры скоро выгнют или пропьешь ее к херам. И тут к тебе является мифическое так сказать существо, поит тебя, кормит, предлагает некоторую сумму... И просит за это. Просит, заметь!— палец Ангела взметнулся указующим перстом, сушью безделицу, так просто, пустяк! Выполнить непыльную, хорошо оплачиваемую работу, которая пользы принесет массу, от мыслей о суициде избавит, а вдобавок откроет душе твоей бессмертной тайны, которые и не снились, а ты, Саша не видишь в этой ситуации ничего лучшего, кроме как отказаться! Не стыдно?

Я понуро молчал, верно, ведь бает сволочь, и все равно...

— А чего это вдруг я квартиру потеряю? — неожиданно для самого себя спросил я.

— А потому, — ангел так глянул мне в душу, что она ушла в тапочки, — потому уважаемый квартиросъемщик Маношин, что ваш не менее уважаемый горсовет готовит ввести в жизнь распоряжение за номером 445689Г о принудительном выселении граждан неоплачивающих коммунальные услуги сроком более двух лет. А вы уважаемый, когда за свет за газ, за жилплощадь последний раз изволили платить? Предъявите квитанции!

«Вот ведь гад, — подумалось мне, — а ведь добреньким прикидывался!»

— Угу, — кивнул ангел, — гад я, правильно. Не стесняйтесь

гражданин.

«И мысли читает!»

– Сильно надо, – фыркнул ангел, – они у тебя примитивные, а для настоящего чтения напрягаться нужно. Впрочем, могу научить, если поладим. Хотя Саша веришь, сдается мне, что все твои беды от банальной тупости.

– Ну, хорошо. Вот тебе еще аргумент. Ты знаешь, что такое предначертанность. Ага. Допустим, летит самолет Москва-Ташкент. Хороший самолет, надежный. Но понимаешь, какая беда. Витя Трофименко, который предполетную подготовку проводил одну штуку не заметил. А самолетик аккурат над твоим домом рейс производит. Догадываешься. Наступает время «Ч»... Отваливается от него некая деталь. Небольшая. Но ускорение свободного падения вещь неумолимая и неприятная... для смертных. И прошивает эта деталька крышу дома твоего насквозь аккурат над твоим любимым диваном... Ну...

– А я диван переставлю...

– Нет, у тебя сил не будет. На тот момент ты в отключке будешь лежать, потому что старого приятеля встретишь. Грех отказаться будет. Даже зная об этом, я не уверен, что, во-первых, ты отнесешься к моему предупреждению с должной серьезностью, во-вторых, тебе просто не будет облом и, в-третьих, принятых тобою мер безопасности будет недостаточно. Более того ты можешь уехать, спрятаться в бункер какой-нибудь, милицию вызвать даже в Ташкент позвонить,

но... Случится что-нибудь еще и ты в этот момент все равно окажешься на своем любимом диване.

Сердце мое бешено заколотилось. Но вслух я проямлил:

– Ты как Сан Мьюнг Мун.

– Чего это вдруг?

– А он считал, что все беды от коммунизма. Устроил у себя что-то типа колонии или коммуну. Народ на него пахал по шестнадцать часов в сутки за еду, а он их проповедями кормил, загоняя в состояние отрешенности и тем самым лечил от алкоголизма.

Ангел расхохотался:

– Уел, уел. Ловко ты меня. Ну ладно,– он театрально вытер крылом несуществующие слезы.– Прости мя грешного. Давай по пятьдесят за мир и согласие.

– Да не дрейфь,– продолжил он, разливая,– я ж тебя не куском хлеба попрекал, а разозлить хотел, что-то ты совсем расклеился, парниша.

Я тяжело вздохнул и выпил, не чокаясь и не закусывая.

– Ладно, попал и попал. Говори что делать?

х х х

Спящая красавица. За мгновение до пробуждения.

Почти Пикассо.

Было совсем темно. Пространство на ощупь казалось

жидким и скользким как грязь. Оно лезло в ноздри, растекалось по лицу, и воздух был где-то очень далеко и казался недостижимым. Руки пытались раздвинуть этот ужас, но были бессильны перед наступившей тьмой. Не было голоса, чтобы кричать... Мысль была только одна, но она заполняла весь мозг без остатка: «Меня закапывают живьем...»

А потом вдруг все как-то сразу закончилось. И свет стал проступать вокруг и тени куда-то ушли. Вера ясно увидела перед глазами пластиковый пол, незнакомый и память растерянно засуетилась.

Чье то прикосновение, Вера дернулась, и тело отозвалось болью.

«Меня били?»

«Да».

Кровь.

«Моя? Да что же это такое?»

Она с усилием приподнялась, нога уперлась во что-то мягкое. Человеческое тело. Мужчина. Не двигается.

Чей то голос.

– Вера Анатольевна, не стоит так напрягаться, сейчас Вам станет легче, сможете подняться и все вспомнить. Давайте!

Вера оперлась руками в пол и действительно почувствовала, что может подняться.

«Светка!» – словно выстрел в мозг. Она вспомнила.

– Вот видите как хорошо... – удовлетворенно произнес голос, и Вера осмотрелась.

Картина предстала перед ней весьма занятная. Помещение на первый взгляд напоминало лабораторию, но чем здесь занимались, кроме истязания Веры было непонятно. На пластиковом полу лежало два мужских тела, безнадежно мертвых, судя по синюшному цвету лиц, а еще одно тело сидело на стульчике в дальнем от Веры углу и приветливо ей улыбалось.

– Сигаретку?– участливо спросило лицо.

– Да...

Зажженная сигаретка необъяснимым образом оказалась в руке Веры, но она на такие мелочи просто не обратила внимания, лишь жадно затянулась и какое-то время молча курила.

Ее спаситель за это время неспеша приподнялся и с интересом стал рассматривать тело одного из мертвецов. Потом хмыкнул и произнес:

– Странное какое создание человек. Он единственное существо, в котором есть все, что было, существует и даже будет во Вселенной, но этот сумасшедший потенциал почему-то практически не реализуется. Не правда ли парадокс, Вера Анатольевна?

Вера судорожно сглотнула.

– Да ладно не обращайтесь внимания. Подумаешь, человечество... Даже смешно с одной стороны. Минут так несколько назад не думаю, что вас оно с его глобальными проблемами так уж и волновало, просто хотелось жить. Даже подруга

ваша с ее проблемами вас не волновала, не правда ли? Инстинкт, что поделаешь, выжить любой ценой, понимаешь, и без всяких там дурацких вопросов: «Зачем? Почему?» Просто выжить и все... Нормально.

– Вы кто? – выдохнула Вера.

Незнакомец засмеялся тихонько:

– Ну вот, я же говорил, что уже лучше. Вас уже стали интересоваться несущественные подробности. Вроде того, кто я...

Вера не нашлась что сказать.

– Сейчас мы уйдем отсюда, для начала, а потом спокойно поговорим.

Сразу предупрежу, чтобы избежать излишних вопросов, то да, я благотворительностью не занимаюсь, в отличие от некоторых голубых спасителей. И мне от вас кое-что нужно. Более того, надеюсь, что мы с вами придем к этому пресловутому консенсусу, в хорошем, разумеется, смысле этого слова, но времени признаюсь у нас с вами не так уж и много.

Вера, наконец, почувствовала под ногами пол, и ее стошнило. Незнакомец выждал для приличия пару минут, а потом накинул на Веру какой-то плащ-не плащ, и распахнул дверь.

– Пойдемте. Только, чур, ничему не удивляться, пока. Ибо время!

В полутемном коридоре удивляться было нечему, кроме того, что он был неестественно длинным. Потом вдали показалась, какая-то серая дымка и незнакомец обнял Веру за

талию и шепнул в ухо:

– А теперь полетели...

И они действительно полетели...

Самое странное, что голова совершенно не болела, да и восприятие окружающего было необычайно ярким и каким-то... необычайным, словно во сне, когда чувствуешь что сон наверняка вещий, а просыпаешься и знаешь, что все это понарошку. Вера словно пронзала собой самую суть мира, величественные картины событий грядущих и бывших когда-то возникали из сияющего Ничто и рассыпались брызгами хрустальных зеркал... И Незвестный попутчик исчез, и в то же время присутствие его ощущалось вокруг в пространстве и движении, и голос его был в молчании сверкающих меняющихся фантастических пейзажей...

А потом они сидели в маленькой уютной комнатке у нежаркого камина, и вино было отменным и хотелось остаться тут навсегда, и голос Незнакомца рассказывал длинную пахнущую вечностью сказку, которой хотелось верить...

– ...Ход, ведущий в залы Хроник – на правом плече Сфинкса, что на плато Гиза. Когда откроется голова и будет найдена капсула времени, оно потечет вспять и отворятся Врата.

Врата откроются голосу. За ними увидят Идущие винтовую лестницу, которая приведет их в комнату без углов. Ведут из комнаты три канала, а также в ней сокрыт от глаз человеческих глиняный горшок.

В нем указание пути. В случае ошибки Идущих ожидает скорая смерть.

Но тот, кто выберет правильный путь по каменному переходу, освещенному светящимся воздухом пройдет дальше и увидит 49 сакральных геометрических рисунков, где две и сорок шесть – Хромосомы Христового Сознания, а на последнем – цветок жизни. Потом все вправо, и вправо, до Зала Свидетельств. Пять с половиной миллионов лет откроют Идущим тайны цивилизации. У входа камень на нем фотография, где Идущие увидят себя и прочтут свои имена и имя дня их прихода.

..Чертог правителя...

Плоская крыша...

Это голос незнакомца или фантастический сон наяву? Голос заменил мир целиком, и Вера растворилась в нем.

Чертог правительницы... Скат... Туннель, уход никуда... Спираль черного цвета, ведущая к центру Земли... Залы Аменти...

Чтобы попасть туда, необходимо миновать нулевую точку спирали и тогда туннель обретет объем...

Там все ваши мысли мгновенно будут обретать реальность. Там нельзя выпускать наружу свой страх, ибо он убьет Идущих... Но здесь же и первый этап Посвящения... Надо пройти туннель для погашения черного цвета, и очутившись в чертоге, Идущие увидят саркофаг, спираль пройдет через него. И здесь они покинут трехмерный мир, расширив со-

знание...

Цвет спирали измениться на белый, и Туннель поведет дальше к чертогу Правительницы... Там необходимо будет вновь обрести свое тело, ибо чертог этот – стабилизация.

Великая Спираль Логарифма... Залы Аменти... Семена жизни... Геометрическая фигура... Бело-голубое пламя высотой четыре фута... Холодное, водворенное в Залы Аменти более пяти миллионов лет назад нефилимцами жителями Сириуса. Они возникли сразу после разрушения Хроник и представляют собой искривленное пространство... За ними вход в Залы Хроник... Внутри них Космос. Залы расположены на расстоянии 440 000 миль от земли, если находиться в 4-м измерении, а если в 3-м, то на тысячу миль внутри Земли...

Первый зал – пирамида внутри главного золотого прямоугольника... В ней огонь... Там древо знаний... Великая пирамида... Путь к ней круговой туннель...

Хроники Акаши – живая память Земли... Карта Хромосом – под великой пирамидой, в галерее ведущей в Главный Зал Хроник ...

Свечи почти догорели, но темно не было, мягкий свет обволакивал Веру, она находилась в странном состоянии полной гармонии с окружающим миром. Это было в диковинку и к тому же ужасно приятно.

Она потянулась, словно сытая кошка и взглянула на незнакомца. Тот сидел в глубоком кресле, отодвинутом

вглубь комнаты, завернувшись в темный плащ, и лицо его, казалось, совсем слилось с окружающим полумраком.

– Так я все-таки умерла?– произнесла Вера равнодушным голосом.

– Вам виднее...– с легкой иронией отвечал незнакомец.

Вера протянула свою руку к свету и внимательно посмотрела на нее. Рука как рука.

– Скажите,– Вера на миг задумалась,– а Светлана, что с ней?

– Она в лечебнице,– ровным голосом отвечал незнакомец,– я думаю ничего страшного с ней уже не случится. Согласитесь, что по меркам вашего,– он выделил это слово,– мира вела она себя несколько, ну скажем так, неадекватно. Посреди ночи бежать на кладбище, истерики все эти, попытка эксгумации могилы известного в определенных кругах человека. Естественно эти самые круги забеспокоились, ну и приняли меры. А пострадали Вы...

Вера кивнула.

– А Родион этот, то есть Роман Родионович, он... действительно умер?

Фигура в кресле едва заметно кивнула головой:

– Хороший вопрос я видимо в Вас не ошибся. Желудинский ваш действительно умер, окончательно и бесповоротно. И очень давно, тут ваша подруга была полностью права с любой точки зрения. Ведь что такое смерть? Объяснения этому факту однозначного не существует, но если явление

сие рассматривать в комплексе с понятием жизни, то можно заметить, что понятия эти являются взаимоисключающими и прямо друг другу противоположными. Вы извините, что я так запутанно выражаюсь, я просто пытаюсь говорить языком ваших философов, вот уж где публика прошу простить.

Так вот если продолжить на этом, так сказать, научном наречии, то можно договориться до космос знает каких вещей. Оставим же этот хлеб им. Тем более, что проблемы то, по сути, нет. Открою Вам уважаемая Вера Анатольевна один маленький секрет. Человек жив или мертв настолько, насколько он себя чувствует, и абсолютно наплевать на то, что думают о нем окружающие...

Помолчали. Незнакомец продолжил.

– Ведь что такое окружающая нас реальность? Это то, что она нам внушает. И вам, кстати, и нам. Вот смотрите. Стоит посреди шумного бурлящего базара одинокая девушка. Рассматривает товар, торговцев, спорит с кем-то, толкается, просто приценивается. Кипение жизни, не так ли?

Кто-то приезжает, кто-то уезжает, и процесс бесконечен, относительно конечно.

А потом вдруг, чу, нечто неуловимое проносится в воздухе, и базар начинает потихоньку пустеть. Для начала убираем подъезжающих, ну перекрываем им доступ, допустим кордоны милицейские выставим, якобы пришла вводная, что на базаре этом готовится столь популярный в ваше время террористический акт. Никто, заметьте, ничего не замечает,

а базар потихоньку начинает пустеть. И, в конце концов, через некоторое время наша девушка остается почти одна.

Она начинает нервничать, задает вопросы, ей никто не отвечает, потому что те кто остались понятия не имеют о происходящем. Наконец, исчезают и они. Девушка наша бредет к остановке этих ужасных маршруток и надо же, какая нелепость, последняя из них уезжает у нее из-под носа... У вас ведь бывало такое?

Вера кивнула.

– Неоднократно.

– Вот,– удовлетворенно продолжил незнакомец,– и что мы видим в результате? Одинокое, брошенное существо посреди пустого и зловещего своей непонятностью пространства. Девушка наша начинает лихорадочно искать выход. Гармония ее мира нарушена, сердце ее учащенно бьется, даже слезы откуда-то появились. А вокруг ни души, только равнодушное холодное солнце...

х х х

Место дислокации неизвестно. Состав группы одна единица. Вооружение автомат, гранаты, сторрикены особые модернизированные. Цель миссии неизвестна.

Коновалов произвел смену оружия и выпустил парочку гранат в сторону приближающегося противника. О боепри-

пасах на этот раз беспокоиться не стоило. Он это чувствовал. И точно, бросившись в узкий проход между двумя гранитными обломками весом в несколько тонн, почти сразу обнаружил схрон. Пока противник приходил в себя капитан быстренько набил сумку магазинами, рассовал по карманам «лимонки», а непонятого, но зловещего вида мерцающие звездочки аккуратно спрятал за пазуху, пусть им, полежат, разберемся попозже.

Дальше была лестница. Взбираясь по осклизлым, сочащимся розовой жидкостью ступеням, капитан в очередной раз усомнился в реальности происходящего, но особо раздумывать было некогда. Огневая точка обнаруженная им на верхней площадке была как на заказ. Неведомые строители или устроители этого "тренажерного зала" как называл про себя окружающий мир Коновалов, постарались на славу. Они не пожалели ни мешков набитых песков ни боеприпасов, ни оптики. С площадки к тому же отлично просматривался весь заросший невысокой травой луг, окружавший гранитные развалины. Вдалеке синел лес.

Капитан сплюнул. В этом лесу двумя часами ранее ему пришлось несладко. Но, похоже, законы жизни человеческой действовали и здесь.

Это насчет "то пусто— то густо". Серо-зеленые фигурки прекрасно различимые в хромированный прицел были как на ладони. В атаку идти не спешили, растянулись цепью и пытались укрыться в чахлой растительности.

Капитан неспеша нащупал сигаретную пачку, с наслаждением закурил, не боясь демаскировки. Плевать. Эту пачку он обнаружил вчера в небольшом схроне под малиновым деревом. Как почувствовал. Да если честно, то грешно было не почувствовать. Странно дерево это смотрелось посреди липовой рощицы. Мощное, по сравнению с молодыми липками, раскидистое, да еще и кора малиновая с прожилками.

Копнул наугад саперной лопаткой, попал. Думал сначала подстава. На пластиковую взрывчатку погрешил, а тут такое богатство. Не балуют табачком "устроители", ох не балуют... Ощущения при курении были странными, и табак тоже странным. Сначала подумал галлюциноген, а потом плюнул на мысли эти, попробовал получить удовольствие, вспомнил любимый "Кэмел", и дымок вроде послаще стал. Тогда еще фразочка вспомнилась из прошлой жизни:

« Все вещи лишь такие, какими мы их представляем».

– А ведь точно! – усмехнулся Коновалов.

Ему показалось на миг, что он жив. И кроме того находка сигарет, навеяла сакраментальную мысль о том, что устроители этого цирка пытаются всерьез задобрить Коновалова, потакая его прижизненным слабостям и привычкам. Зачем? А вот поглядим. Нужен я им, значит, а потому, как говорится, поумираем, увидим. Только странно вот. С едой тоже непонятно. Иногда подбрасывают сухпай. Хочу ем, а могу и не есть. Но есть то, почти никогда не хочется, а вот курить хотелось часто. Вспоминал. Привычка вторая натура, нику-

да не денешься.

Тут и сигарета кончилась. Выбросил.

«Что-то они туда добавляют все-таки...»

Потом стало не до шуток, здорово его «серые» по лесу погоняли, чтоб им пусто было. Так, а это еще что за тема?

Небольшая группка противников катила от леса, прикрываясь явно бронированным щитком какую-то образину на колесах. У образины имелся внушительный ствол, примерно 78-го калибра и шипастые новехонькие колеса. В тот же миг преследовавшая капитана пехота мелкими перебежками бросилась в атаку, и Коновалов прильнул к пулемету.

Game continium...

х х х

Глава IV. В которой юный Марсильяк и его верный виконт обнаруживают наемных убийц до того как те обнаруживают их.

Ближе к вечеру, когда мы уже миновали Сент-Кентен, решив не задерживаться в этом милом городишке из-за странного ощущение того, что за нами кто-то следит, это ощущение переросло в уверенность. Мы как раз рассуждали об очень серьезных вещах, а потом Джереми вдруг сказал: «А, по-моему, за нами следят», и мы прекратили свои рассуждения, решив это предположение проверить. И проверили,

воспользовавшись темнотой.

Через некоторое время небольшой отряд наемных убийц, неспеша и особо не скрываясь, проследовал по нашим следам. Мне показалось, что они и раскланялись бы с нами с удовольствием, если бы мы не прятались в это время в кронах деревьев.

Но так как мы все-таки предусмотрительно спрятались, то они просто проехали мимо. Тьма Пикардии сохранила наши бранные тела и бессмертные души. А наши доблестные кони прятались чуть дальше в чаще, и потому нас никто не заметил. Было их четверо, и выглядели они довольно внушительно. Я имею в виду убийц. То, что это убийцы я нисколько не сомневался, как-то жизнь научила меня предполагать самое худшее в первую очередь, а уж потом пользоваться приятными сюрпризами. Кто мог послать их? Кардинал? Герцогиня?

Отсюда, выводы напрашивались сами собой и невеселые. А может все проще и папа отправил за нами телохранителей? Как это на него похоже... Да уж он-то точно скорей всего убийц и послал и. Ловкий он у нас. И герцогине угодил, и от нежелательного наследника избавится. Похоже, действительно мой батюшка не оставлял нас своими заботами.

Что было и неудивительно, что еще можно ожидать от человека, который обожает выливать ночные горшки на головы собственной дворни. Нет, я не удивился, нечто подобное я и предполагал с самого начала, и мне было плевать из каких соображений и кто хочет нас убить. Может быть это ищейки

Мазарини, а может и у этих безумных фрондеров поменялись связанные со мной планы, не важно. Теперь как по мне, так все действительно становилось на свои места. Жених без эскорта и надлежащей помпезности направляется для бракосочетания к любезным соседям, ату его!

Я уже представил надгробную речь моего папа, эдак с надрывом, с завыванием в траурных одеждах или нет, лучше во власянице, бородища развеивается, ручонки сжимаются в кулаки... «Встанем стеной! Отомстим! За Марсильяка!» И так это кулаком об крышку гроба: Хрясь!!!

Хрясь! С удовольствием сказала ветка, и ваш покорный слуга скатился на влажную траву, потер ушибленную задницу и, услышав радостное и приглушенное похрюкивание Лекко, побрел к лошадям. Вопрос только в том, когда они решат, что пора нас резать. Ну не люблю я лазить по деревьям!

Когда я изложил виконту свои соображения по данному вопросу, он сразу занялся очень важным и ответственным делом. Это значило, что Дже задумался и задумался серьезно.

Джереми сосредоточенно ковырялся в носу. Утомил он меня.

– Ну и дальше чего?– спросил я, выдержав паузу.

– Ничего.

– Назад пути нет. Вперед, похоже, тоже нет.

А он все никак не мог остановиться.

– Делать, что будем? Советник.

Виконт, не прекращая свое занятие, изрек:

– Я ж предлагал, в разбойники подадимся.

– Придурок.

– Сам придурок.

– Может повеситься, самому?

– Вешайся...

Я медленно закипал. Стоит тут учит, все меня учат. Сволочи.

– Знаешь что уважаемый, пошел ты к черту. Понял? Или к разбойникам своим. Сильно нужен ты им. А мне наплевать. На тебя, на папеньку, на невесту эту треклятую. Я не хочу, чтобы вы дергали из меня веревочки...

– За...– строго произнес Джереми.

– Чего за что?

– Ты хотел сказать дергали меня за веревочки, а не из тебя...

Я, чертыхаясь, стал карабкаться в седло:

– А пошел ты к дьяволу! Все вы пошли к дьяволу! Сейчас догоню этих уродов и потолкую с ними! Понял! И наплевать!– я дернул узду.

Дже расхохотался. Однако тоже полез в седло.

– Чего ржешь?

Он указал мне куда-то за спину.

– У тебя елочка из задницы торчит...

Я оглянулся, ччерт! Отодрал от штанов неведомо как прилипшую еловую веточку и зашвырнул ее в кусты. Сволочи!

Все сволочи!!!

Леко зевнул:

– Ладно, поехали уже куда-нибудь...

И мы поехали дальше...

х х х

И билет на самолет с серебристым крылом,

Что, взлетая, оставляет земле лишь тень

(Виктор Цой – поэт и композитор.)

...Египет. Прекрасно. Что я знал о нем? Да тоже, то, что и большинство простых граждан, скажем так, европейцев. Уж египтяне, то огого... Они-то уж в курсе. Как верблюды там сношаются. Вот-вот. О чем это я? Ага, Египет. Пирамиды, верблюды, короче развитое государство Северной Африки со столицей в славном граде Каир. Все... Нет, еще Витька Флягин туда отдыхать ездил пару лет назад. Водки какой-то дерьмовой привозил. Наверное, в аэропорту купил, и брехал потом, что египетская она. Да еще Сфинкс... Сфинкс. Че он мне про Сфинкса то буровил? Ага, вход на левом плече Сфинкса, хотя постойте, ничего он мне про Сфинкса не буровил, тогда откуда же...

Так. На секундочку возникшее в стекле такси отражение произнесло загадочную фразу:

«Все непонятные вещи, происходящие с нами в течение

жизни, ни в коей мере не являются необъяснимыми...»

Я приветливо покрутил пальцем у виска. Таксист поежил-ся. Получилось забавно. Со стороны.

Острый уголок конверта уколол меня под курткой, я вытащил его на свет божий и вскрыл. Ага, цветной уголок билета до Москвы и дальше. В Каир, кажется. Деньги. Хм... Начало неплохое. Какая, в сущности, разница, как проводить время, тут мой ангел действительно прав на все сто. По сути каждый из нас является, всего-навсего, зародышем. Это как в старом анекдоте, когда один из зародышей сидящих в матке интересуется у другого: «Неужели ты веришь в жизнь после родов? Бред. Еще никто не вернулся обратно...»

Люди и после родов остаются в том же самом положении, только декорация меняется, так называемая окружающая реальность, а смерть, похоже, те же роды. Вопрос только в том кем мы выйдем из них. А реальность эта... Египет так Египет. Ангел так ангел. Они не вписываются в привычный мир реальности? Пусть будет хуже для нее, я, в конце концов, не виноват в том, что несколько миллиардов идиотов приняли правила неведомой им игры и пытаются навязать их остальным, при всем притом называя этот бардак окружающей реальностью... Червячок сомнений внутри меня все-таки шепнул что-то насчет того, что ангел тот еще жук, что он сам мне навязал свою реальность, но уголок конверта снова кольнул меня в грудь и червячок уполз.

Пребывая в этом странном состоянии, я как-то не сразу

понял, что такси остановилось, и шофер с неприятным лицом почему-то приказывает мне освободить салон...

х х х

Спустя некоторое время, на крыше невзрачной многоэтажки, одного из окраинных районов Города, беседовали две большие говорящие птицы. Погода стояла промозглая и туманная, и силуэты их были размыты и едва заметны тому, кто пожелал бы их увидеть.

Маленькая фигурка внизу на тротуаре пыталась поймать такси, зябко переступая ногами в луже натаявшего снега.

Птицы задумчиво глядели вниз. Проехавший по дороге грузовик обдал фигурку потоком грязи. До самого верха донеслись вопли и ругань.

– Ты думаешь, он справится, Арфедокс? Он так неуклюж...

– Он непредсказуем, Алголиэль.

– А, ну-ну...

А может быть, это были и не птицы.

х х х

Спящая красавица. Ария бродяги.

Наверное, это был гипноз, Вера на миг закрыла глаза, а когда открыла их, то увидела себя стоящей на обшарпанном асфальте посреди пустынного гигантского рынка с рекламами, торговыми опустевшими местами, заваленном грудями картонно-целлофанового дерьма. Она огляделась, это был ее город, он возвышался где-то далеко вокруг, в таинственной недосыгаемой дали виднелись расплывчатые силуэты многоэтажек. Вера вздохнула, и машинально нащупала в кармане телефонную карточку.

«Надо кому-то позвонить...» – пришла в голову первая мысль.

Телефон оказался неподалеку в куцей стеклянной будочке, изрисованной царапинами и фломастерами самых причудливых расцветок. Машинально сфокусировавшись на ярком обрывке рекламы уверенно гласившей: «Не знаешь, как жить? Мы научим тебя...» Вера сняла трубку. Гудка не было. Вера вышла из будочки и присела на пустую скамеечку поблизости. Надо было просто спокойно обдумать ситуацию и попытаться разложить по полочкам в голове последние события. Вера нащупала в сумочке пачку с последней сигаретой и медленно закурила, шурясь на недружелюбное солнце.

– Сигаретки не найдется, барышня? – раздался из-за спины хриловатый мужской голос.

Вера дернулась, и зажигалка брякнулась на серый асфальт. Обернувшись, она увидела причудливо наряженного бомжика при бороде и вязаной неопределенного цвета шап-

ке с помпончиком.

– Последняя,– Вера продемонстрировала бомжику пачку пачку, после чего швырнула ее в урну. Не попала. Бомжик грустно проводил пачку глазами.

– Ага, ага,– покивал он,– ну ладно мы тогда свои...

Не обращая внимания на Веру, слегка обалдевшую от подобной наглости, бомжик вытащил из кармана едва начатую пачку "Ронхилла" прикурил, отчего-то пряча источник огня внутри сложенных грязных ладошек, несмотря на отсутствие ветра, и прищурившись, стал глядеть вдаль в глубину рынка.

Насмотревшись на бесконечные ряды унылых контейнеров, он притушил сигаретку и спрятал окурочек где-то на теле. После чего смачно высморкался и с чувством глубокого удовлетворения произнес:

– Ну все, скоро начнется...

Вере совсем не хотелось поддерживать разговор с этим субъектом, но чисто машинально у нее вырвалось:

– Что начнется?

Бомжик хрипло рассмеялся дергающимся смехом и затем торжественно объявил:

– Конец света...

Вера резко поднялась со скамейки и направилась прочь.

Бомжик заковылял следом.

– Ой-ей-ей, какие мы обидчивые. Гражданочка, а куда вы собственно собрались? Вы думаете там лучше? Простите, не представился.

Он ускорился, загородил Вере дорогу и церемонно поклонился:

– Бомж Бруевич, с вашего позволения, Вера Анатольевна...

Вера резко остановилась.

– Вы, как? То есть, какой еще Бруевич? – мысли ее совсем смешались, – в смысле... Откуда вы меня знаете?

Бомж смиренно ожидал пока волна смятения, охватившая Веру, спадет и молчал. Потом, видимо решив, что пауза затянулась, спросил:

– У вас щеточки нет?

– Чего? – Вера отчетливо почувствовала, как у нее задержался глаз.

– Да щеточку хотел спросить, – бомж смущенно заулыбался, – ботиночки смахнуть. – Запылились мои ботиночки...

– Нет...

– Жалко, – и стало видно, что бомжику действительно ужасно жалко вот так стоять перед Верой в нечищенных уже лет двести ботиночках.

Потом он махнул рукой:

– Да ладно, хрен с ними с ботиночками, – подмигнул. – Так Вы куда сейчас?

«Хороший вопрос, – подумала Вера, – своевременный», – а вслух произнесла:

– Домой.

Бомж кивнул.

– Понимаю... Значит так вот. Жалко...– он посмотрел на Веру, точно также, наверное, как перед этим на свои ботиночки.– Домой.

– То бишь в нору, берлогу, убежище. Понятно, чего ж тут непонятного. А я вот тут живу,– зачем-то добавил Бруевич, обводя руками окружающее пространство.

– На базаре?

– Да не... Вообще тут... Не важно. Значит, тебя выбрали, а ты решила домой? Может и правильно.– Он вроде бы как задумался.

– Куда выбрали? В смысле, кто?

Вера совершенно запуталась, мысли лихорадочно крутились в голове. Светка, Желудинский. Допрос. Спасение. Хроники эти непонятные. Незнакомец. Теперь этот бомж Бруевич. Не к месту вспомнился вождь мирового пролетариата на броневике и его мордатые, безумные соратники. Короче что попало. Бомж-Бруевич, ботиночки. Тьфу.

А тот стоял, ухмылялся беззубо. Наслаждался короче моментом.

– А выбрали и выбрали,– качнул бомж вязаной шапкой.– Делов... Хотя могли, конечно, и получше кандидата подобрать...

Вере стало почему-то обидно:

– Чего, чего?

– О! Обиделась...– констатировал бомж.– И правильно, надо себя уважать. Так вот. Сигаретку?

– Нет...

– Точно обиделась, – Бруевич отыскал свой окурок, задымил.

– Ты женщина умная, – наконец продолжил он, – все ты знаешь и все понимаешь, у вас вообще интуиция развита. Закон природы. Да. Ну, может, я чуть-чуть больше знаю, но это все... Относительно. Такая вот беда.

Вера слушала внимательно, ее даже совсем не задел этот резкий переход на ты. Непрост ты Бомж-Бруевич, ох не прост!

– Ладно, не хочешь, сигаретку, значит, не хочешь. Кто не курит и не пьет... Тут... – бомж с наслаждением почесался, – охо-хо житие мое... Так вот Вера Анатольевна. Смерти нет, и жизни... тоже никакой нет.

– А чего ж есть? – Вера произвольно ухмыльнулась.

– А ничего нет, – в тон подшутил Бомж-Бруевич, – и дома у тебя уже нет никакого считай, эвон слышала, саперы...

– Какие саперы? – отчего-то Вере стало не по себе.

Бомжик как-то по-детски шмыгнул носом.

– Да вот вишь, рынок оцепили, людишек вывезли. В городе говорят дом какой-то враги заминировали, толи террористы, толи какие иные уроды...

– И что, взорвали?

– Та не... – протянул бомжик, – еще нет, щас взорвут, о!

И через миг вдалеке что-то грохнуло и эхом раскатилось по пустыне рынка, отражаясь в гулком металле контейнеров.

Вера произвольно дернулась и закрыла глаза, а когда решила их открыть, то увидела ехидно посмеивавшегося Бруевича.

– О! Я ж говорил террористы...– лицо его под вязаной шапкой выглядело, чуть ли не одухотворенным.– Здорово бахнуло...

– Где это?– упавшим голосом прошептала Вера.

Бомжик поглядел куда-то вдаль, вроде бы как определяясь.

– Да, пожалуй, на Ленина...

Сердце Веры часто-часто застучало, а потом словно остановилось. Бомжик между тем уверенно продолжил:

– Точно на Ленина, там, где поворот на эту... ну возле скверика...

Веру охватило бешенство.

– Ты знал! Знал!– она замахнулась сумочкой, бомжик ловко увернулся.

– Только без рук! Подумаешь, знал! Ну и что, что знал! Так что нет у тебя теперь берлоги!– он отбежал на безопасное расстояние и продолжал орать оттуда,– И идти тебе некуда, потому что менты тебя в розыск объявили. Вот! Вы со своей психованной можно сказать основы подрываете. Да! А мне партия все дала!

Он запыхался и тяжело дышал. Вера прислонилась к прилавку.

Прошло несколько томительных минут. Бомж успокоил-

ся, поправил свою шапку и молча стал Веру рассматривать.
– И что мне теперь делать?– наконец спросила она...

х х х

Модель. Шлиссельбург. Условие выживания: возобновление навыков владения холодным оружием. Загрузка объектов прошла успешно. Загрузка субъектов прошла успешно. Количество субъектов – 1...

Тела "эсэсовцев", так назвал про себя Коновалов своих новых противников, лежащие в живописном беспорядке стали потихоньку растворяться в ночном воздухе, и капитан облокотился на прохладную стену замка.

Замок был старинный, основательный, ничуть непохожий на современные подделки для богатеньких буратин.

«И как они это делают?»– в очередной раз промелькнула мыслишка. Хотелось курить, но Коновалов не стал рисковать, так как на этом уровне так далеко еще не заходил.

Судя по всем признакам, а капитан уже научился неведомо откуда взявшимся чувством немного определять модельные структуры «экспериментаторов», как он их опять же называл, финал был уже близко.

Следовало принять некоторые меры предосторожности. Прежде всего, убрать подальше малоэффективные здесь гранаты, которые вели себя очень странно, нороя взорваться

в самый неподходящий момент. Выбросить их совсем Коновалов не решился, не ровен час, кто-нибудь наткнется на них и подорвет к едреней фене, и будешь потом бродить по лабиринту в поисках выхода, а в коридорах этих бесконечных сам черт ногу сломит.

Перезарядить автомат, это святое. Пока машинка выручала и не капризничала, хотя когда первый раз он увидел эту странную, похожую на детскую игрушку модель, то весьма расстроился, ан нет, точность боя была поразительная, и в обращении вполне удобный. Впрочем, странным тут было все или почти все, и трупы эти испаряющиеся в воздухе и лица их бесцветные и неживые, что при жизни, что после и...

«Ага, еще колеса принять, тоже не мешает, а то башка, словно чугунная после последней схватки».

Капитан сломал пачку подброшенных «экспериментаторами» таблеток и с трудом проглотил их.

Вкуса не почувствовал, да его и не было, однако вещь та еще, сколько раз выручала, вот и сейчас в голове посветлело, и в теле эйфория некая образовалась. Вот и таблеточки эти животворящие, та еще инфекция, придумают же... Экспериментаторы, блин...

Он с любопытством посмотрел на свою изодранную пулями руку, кровь на глазах сворачивалась, исчезали даже пятно на комбинезоне.

«Так, что у нас дальше?»

Капитан оторвался от стены и решился сделать несколько

шагов вперед.

Слева находилась арка, справа подземный ход он явно приглашал и Коновалов воспользовался приглашением...

Коридор изгибался по дуге. Капитан пошел по дальнему радиусу, слегка поводя стволом своего «игрушечного» оружия. Тусклый свет давали невидимые фонари, и такой способ освещения уже неоднократно встречался Коновалову на иных уровнях, так здесь освещались пещеры и подземные тоннели, звуков не было вообще, уши, были словно запечатаны, и это было неприятно.

Потом коридор кончился, и капитан очутился в огромном зале украшенном странными знаменами серо-коричневых тонов со знаками, напоминающими свастику. На полу красовалась голова неведомого зверя, напоминающего одновременно бегемота, носорога и немного какую-то диковинную породу собак, названия которой Коновалов не помнил.

У противоположной стены зала была дверь. Капитан бесшумно пересек зал и затаился сбоку от нее. Проверил. Заперто. Так значит не здесь. А это у нас что?

Метрах в десяти вдоль стены в полу чернело отверстие, Коновалов подобрался к нему и увидел мраморную лестницу ведущую вглубь.

«Ага! Вот значит как!»

Он начал спускаться, внизу становилось светлее. Последняя ступенька. Есть! Коридор был разукрашен затейливой мозаикой и стены и пол, в конце коридора угадывалась ком-

ната, там было темно и возможно пусто, вход охраняли два закованных в доспехи рыцаря с высокими щитами. Капитан надеялся на то, что внутри доспехов никого нет. По крайней мере, в данный момент рыцари эти признаков жизни не подавали. Подошел поближе, фигуры не шевелились.

Осмотрев их, Коновалов увидел, что из вооружения эти статуи имеют длинные тяжелые мечи, кажется, они назывались двуручными, и кинжалы в красиво украшенных ножнах. Панцирь доспехов, был, похоже, из танковой лобовой брони и капитан засомневался, пробьет ли пуля его «игрушки» эту броню будь рыцари «живыми». Похожие на перевернутые ведра шлемы с разрезом в форме креста также внушали уважение своей солидностью и неуязвимостью. Но, похоже, что волноваться поводов не было, ибо внутри доспехов было пусто, в чем капитан убедился при более внимательном осмотре.

Ткнул в панцирь стволом автомата и на всякий случай отскочил. Ноль на массу. Повеселел, прошел в кабинет, никого. И сразу увидел металлический ящик. Сейф! Наконец-то. Слишком просто для финальной сцены. Осмотрел ящик, ни пластида, ни других взрывных устройств не обнаружил, опять странно, да «экспериментаторы» ушлые ребята скучать не дают, ладно, что тут у нас с замком?

Тронул дверцу, и она раскрылась с мелодичным звоном. И тут же за спиной что-то загрохотало, капитан отпрянул от ящика и обомлел. Безжизненные и безтелесные статуи,

грохоча железными сапогами о бетонный пол, воздев к потолку мечи, ломались на капитана с энергией парового катка молча и неотвратно...

Перед тем как Коновалова рассекли на части, он успел еще выпустить длинную, бесполезную как жизнь, разбившуюся о щиты очередь и подумать, что зря он спрятал так далеко свои оставшиеся гранаты. Мол, тут бы они сгодились в самый раз...

х х х

Глава V. В которой наемные убийцы все-таки наступают юного Марсильяка.

...Вокруг была ночь, настороженно прислушиваясь, мы, переговаривались тихим шепотом. Добираться до моей невесты мы решили в темноте, а днем отсыпались в безопасных местах, наши убийцы, показавшись нам единожды, больше не докучали своим присутствием, очевидно, таким был их подлый план. Деревни мы объезжали стороной, а места тут были пустынные, и неприятные к тому же... Рассказывали, что когда-то тут был зверски убит некий несчастный герцог подосланными к нему наемниками. Он ехал к одной предсказательнице, якобы жившей неподалеку, хотел стало быть выяснить свою судьбу и не доехал... Добрые люди решили его судьбу по-своему... Такая вот мрачная история.

Они напали внезапно, как и положено нападать наемным убийцам. Джереми, хотя и не являлся потомственным дворянином, был не дурак подраться на шпажках, но тут это было совсем не нужно, две вспышки полыхнули одновременно, лошадь моего товарища захрапела и рухнула, мой Арк похоже не пострадал, зато я грохнулся оземь на славу, ибо проклятый кусочек свинца вонзился в мое несчастное плечо. Чувствуя, что мы явно уступаем превосходящим силам противника, мое сознание решило спастись бегством без меня, и оставило тело на произвол судьбы.

Очнувшись через час, а может быть через секунду, я вдохнул вкусный запах травы и уже хотел, было застонать по всем правилам раненых в плечо страдальцев, но чья-то грубая ручища в перчатке заткнула мне рот и горячие, пахнущие луком уста Дже шепнули мне в самое ухо:

– Молчи урод...

Я подавил в себе инстинктивный порыв откусить засранцу пальцы и огляделся. Пока я падал и лежал в отключке, луна победила облака, и стало немного видно, что творится на свете белом.

Прежде всего я увидел тело смертельно раненой виконтовой кобылы за которым мы прятались все это время, и которое значительно ухудшало мне обзор. Потом, сменив позицию и частично дислокацию, я смог увидеть, кусок дороги, чуть в стороне от нее четыре неясных закутанных в плащи фигуры верхом на лошадях или конях. Они не спешили, а,

похоже, решали, что с нами сделать сожрать сразу или сначала зажарить.

– Пистолет... – прошептал Леко и потянулся к седельной сумке, не достал. В руке он уже держал один, а второй был вне его пределов досягаемости. Пришлось, скрипнув зубами, тянуться, не поднимая головы. Получилось.

– А твои где? – вежливо поинтересовался Джереми, но в его вопросе слышалась откровенная издевка.

– Ускакали, – тихо буркнул я. И это была правда, ибо ржание перепуганного Арка доносилось из мрака довольно явно.

– Молодец, – похвалил меня Джереми, а мне осталось, только молча выслушать заслуженный комплимент.

– Взведи курок и лежи тихо, когда подойдут, двоих положим, а там как бог даст, – прошипел кровожадный Дже и притворился мертвым.

Издали это, наверное, выглядело правдоподобно, только зачем было чесать при этом детородный орган? Хотя, может быть, трава защекотала или муравьи, не знаю. Пуля ударила рядом с моей шляпой и хорошо, что шляпа лежала на земле. Леко сдавил мне шею, чтоб я не дернулся. А я и не думал, между прочим. Снова стало плохо видно, луна куда-то удалилась по своим лунным делам, послышался негромкий стук копыт, совещание окончено, понял я и поднял пистолет.

Качество нашего залпа было по своей убойной мощи сопоставимо с качеством залпа наших убийц, закричали двое –

человек и лошадь, правда, нашим врагам было сложнее, они стреляли по движущимся целям, а мы практически в упор. Потом что-то навалилось на меня, лишив возможности дышать. И все померкло...

Ни хрена не помню,
И болят суставы.
Кто ж в меня насильно
Заливал отраву?..

(Александр Сергеевич Маносин. Избранное.)

Ночь. Дорога. Ранняя весна. Никого вокруг. Нет ни фонаря, ни аптеки. Ах, господин Блок, господин Блок... Что-что, а аптека сейчас была бы совсем не лишней. Чем это он меня? Шоферюга, блин... Хотя сам виноват, конечно, нечего было деньгами в салоне светить, а теперь, похоже, моя великая миссия накрылась мокрым рядом. Клеопатра и Сфинкс подождут, и ангел тоже немножко подождет.

Было холодно и туманно. Мерзость, а не погода, для тех, кто в пути... Кстати, а где это мой хранитель? Наверное, пьянствует в одиночку. В такую погоду, кстати, это самое милое дело. Теперь его точно с работы попрут, не уберег такого ценного кадра, спасителя человеческого... Блин, башка просто раскалывается, вот зараза...

Спереди я нащупал шишку, сзади тоже какую-то гемато-

му. Запахнул поплотнее куртку, мокрую шапку выбросил в кусты и пошел неспеша по дороге, там, где к небу сходились мосты, или кресты? Хотя нет, не там, а надо говорить туда... Черт, какая разница? Прут рифмы, прут проклятые, здорово значит, водила к черепу моему приложился... Падлюка. Еще раз пощупал голову, хреново, бедный Йорик... Тьфу ты, а так хорошо все начиналось...

Я брел в сторону Города, ну, вообще-то туда, откуда я приехал, хотелось просто домой, на продавленный и прожженный сигаретами диван, лечь и лежать, лежать, лежать... А если придет этот алкоголик, так я ему табуретом по кумполу, чтоб не умничал, как Штирлиц этому немцу...

"Еще шампанского Холтофф?"

А тот такой сразу: «Ya, Ya!» а я его хрясть! А он на пол бабах, а я его... Ой, блин! Башка то, как болит! Пирамидону бы, и водки грамм триста... Сначала двести сразу. Потом покурить и еще сто.

Но, увы, увы, ни водки, ни сигарет, ни билета в Египет у меня уже не было. А были только ранняя весна, ночь и дорога, долгая пустынная дорога...

Оптимисты, правда, тут же завопили:

«И это не мало!»

А я их по кумполу «хрясть!», они и замолкли. Пессимисты, видя такое дело, вовсе решили не высовываться.

А я вдруг представил себя не пешим, а конным. Вот конь такой подо мной симпатичный, породистый. Ступает

неспешно, головой фыркает, зубы скалит. И я на нем такой задумчивый, отрешенный. В серебряном плаще... Ой! Блеснуло, что-то серебряное и мне показалось, что из тумана на секундочку проступил неясный силуэт коня. Он был в точности таким, каким я его себе нарисовал. Проступил и исчез, но клянусь, это не было галлюцинацией, хотя после ударов по голове. Не знаю даже, сидел кто-то на нем или нет, но я успел взглянуть ему в глаза, и, черт возьми, это животное смеялось. Такое вот впечатление в весеннюю ночь.

Дожили. Я поежился и медленно пошел прочь. В ночь. Тряся головой, как конь. Чтоб не затоптали. Мало ли. Поразоводили коней на мою больную голову, ходи тут в Египет...

х х х

Спящая красавица и бродяга. Дуэт.

Бомж смотрел на Веру с нескрываемым сожалением.

– Пойдем... – он потянул ее за рукав.

– Куда? – Вера Анатольевна провела рукой по лицу. Слез не было.

– Сама решишь, – он вздохнул. – Выбор есть, не сери...

Вера слабо улыбнулась и поплелась за Бруевичем.

Они подошли к трем отдельно стоящим металлическим коробкам, и бомжик ловко посбивал с них замки. Вера открыла рот, бомжик хитро усмехнулся и зачастил:

– Сигнализации то нету. Представь. Была б сигналка-то, кто б полез. Да им сейчас не до того, террористы опять же, мафия, чтоб ее. А мы тут чуть-чуточки похозяйничаем и все, подумаешь, замочки-заморочки... От кого прячутся, зачем прячутся...

Двери он, однако, открывать не стал или не захотел шут его знает.

– Ты это вот смотри. Дороги у тебя три. Вот это значит-ся прошлое, – он указал на крайний справа от Веры контейнер, – а тут у нас настоящее, ну а туточки значит грядущее, вот... Вот и выбирай, стало быть, погляди, осмотрись особо не мешкай, но и не спеши, время то пока есть. Немного, но есть. Эта...

Он шмыгнул носом. Вера подошла к центральному ящику потянула дверь, и темное нутро контейнера взглянуло на нее. По коже пошли предательские мурашки, но Вера тряхнула головой, и вошла на всякий случай, оставив дверь широко открытой. Черт его знает, захлопнет еще придурок.

Внутри было никак, и внутри была еще одна дверь, только другая.

«Открывать?» – пронеслась мысль.

– Не бойсь, – донеслось с базара. Она толкнул ее. Дверь поддалась легко, и Вера увидела перед собой все тот же базар, залитый светом базар пустой и бесконечный... Постояла на пороге и вернулась назад.

Бомж Бруевич терпеливо теребил свою шапку на том же

месте, что и раньше.

– Мне не сюда,– просто сказала Вера.

Бомж важно кивнул:

– Я так и думал. Ребенками тут не торгуют...

У Веры защемило сердце:

– Что? Что ты сказал?

Бруевич нагло ухмылялся во весь свой беззубый рот.

– А ты чего это разнервничалась? Думаешь особенная? Думаешь, не знает никто ничего? Мол, загадочная я такая? Да ладно ваши бабские горести и печали у вас на роже написаны и всякому читающему видны на раз.

«О чем он говорит?!»– ужаснулась Вера.

Бомж замахал на нее шапкой:

– Ой-ей-ей! Держите меня, не могу! Ты ж не рожала еще? Нет, вот тебе и твой канделябр. Вот тебе и беспокойство твое и ночные слезы. И неприятности все оттуда же, мужика опять же нет у тебя, потому что боишься их и нечего на меня глазами сверкать. Стоишь тут понимаешь... Жила б как все, вышла б замуж за пьяницу, нарожала б от него придурков пару и сидела б с ними сопли им вытирала... А нет же, мы вот бесплодные... Он, почему-то с ненавистью плюнул.

Вера стояла в очередном ступоре не было сил даже дать негодю по роже.

– Иди, давай уже достала совсем, решай свои проблемы...– бомж махнул еще раз шапкой и нахлобучил ее на голову.

Вера сглотнула ком и вместо возмущения спросила:

– Решать? – разрозненные мысли неслись гремящим потоком.

– Решай, решай...

– Как? Это не возможно у меня действительно это бес...

Бомж скорчил рожу:

– Ты еще и тупая вдобавок? Ох, и выбрали... Иди, решай,

твои проблемы не здесь не хрен мне голову морочить, возись тут с ними. Бесплодие, придумают же... Диагноз. Иди!

Вера шагнула влево и уже взялась за ручку, но почему-то отступила. Она оглянулась:

– Скажите...

– Ну...

– Я смогу... ну потом после всего... Смогу иметь детей?

Бомж захохотал гулко и страшно, эхо пошло волной по базару отразилось от солнца ставшего вдруг нестерпимо ярким...

– За грехи наши... – пробулькал хохочущий.

«За грехи...» пронеслось в сознании Веры Анатольевны, и она решительно дернула дверь правого контейнера...

...И узнаете вы их

по плодам...

Произнес немолодой, уставший бомжик запирая за Верой двери контейнера:

– Укатали Сивку американские горки... Житие мое...
Охо-хо...

х х х

Модель заброшенное кладбище. Время исполнения миссии ограничено.

Зомби вырастали из-под земли как грибы после дождя, вернее во время дождя, ибо холодный ливень не утихал ни на секунду. Земля на заброшенном католическом кладбище текла под ногами, и Коновалову стоило не малых трудов просто удерживать равновесие, не говоря уже о том, чтобы еще и сражаться. Хорошо хоть противник был медленным, но их было много, слишком много, невесть, зачем оживших в этот дождливый день мертвецов. Они лезли и лезли настойчиво, неторопливо, и было что-то ужасно тоскливое в этой неторопливости.

Пару раз уже пришлось отбиваться прикладом, и капитан посетовал про себя на то, что патронов осталось в обрез, а конца края кладбищу с его унылыми серыми ангелами и ржавыми решетками не было.

Нельзя было отвлекаться на мелкие стычки, нельзя было передвигаться быстро, невозможно было просто перевести дух. Они были всюду, сгнившие, бесстрастные, с хрупкими, неприятно лопающимися под тяжелыми ботинками капита-

на костями.

Коновалов вымок до нитки как в том полузатопленном тоннеле с гигантскими пиявками вчера, или это было не вчера? Рассудок вел себя странно, ему уже давно пора было просто исчезнуть, испариться, как испарялись в этом странном мире тела убитые... Убитые? Коноваловым.

«А я кто?» – влетела в голову дурацкая мысль, – «Я тоже мертвец, такой же зомби, как и они... Я ведь умер еще там, вместе со старлеем, но почему же мне нет до сих пор покоя?»

Коновалов чувствовал, что кольцо врагов сжимается, затягивается еще чуть-чуть и ...

«Сожрут, как пить дать, то есть, есть...»

Этот способ умирания Коновалову не очень нравился. Из эстетических, наверное, соображений.

Он хмыкнул, зарычал. Ударил ближайшее тело от локтя, противно хрустнули кости грудины, на мокрую землю посыпались белые черви. Впереди темнело какое-то здание.

«Быстрее туда, иначе затянет пучина не вырваться... Вперед!»

Шуршание земли слева, руки, лиловые руки гребут землю...

«Быстрее!»

Дальше. Очередь вправо, одиночный влево. Еще немного. Есть! Калитка, замок. Черт, черт, черт! Снова шаги по мокрой земле за спиной, выстрел, мягкий звук оседающего тела, девчонка совсем молодая... Теперь в замок, лязг железа,

последняя граната ослепительно треснула в сером мире, выиграно еще несколько мгновений жизни... Жизни?

Маленький домик из бревен. Убежище пусть не надолго, этого достаточно, передохнуть, просто посидеть на полу, отвлечься хоть на миг, но только сначала осмотреться... Вроде чисто. Слава богу!

Засов оказался крепкий. В двери стали ломиться уже через полминуты, но он пока что держал.

«Надо выбраться на крышу и осмотреться с высоты. Должен же быть выход из этого проклятого кладбища, напоминающего оживленный базар в часы пик».

Свеча на столе. Камин. Сладковатый запах плесени и мертвечины.

Что у нас в камине? Конечно труп... Угадал. Он обуглен и не шевелится, головы почему-то нет. Коновалов пощупал свою и невольно улыбнулся. Присел спиной к стене, на всякий случай, не выпуская из виду тело в камине. Мало ли... Сигареты в целлофановом пакетике, как ни странно были целы. Какое это счастье, курить! Вот тебе рай и высшее блаженство, курить сигарету на полу маленького домика, окруженного ожившими мертвецами... Ох, и балуют меня хозяйева, ох и балуют...

«Сейчас покурю, подвину товарища и осмотрю камин, и пускай там будет подземный ход!»— решил капитан, — «Куда угодно, но ход... Вот и труба в углу, ржавая, но довольно крепкая, будет, чем разрушит кладку, и безголового прило-

жить, если оживать надумает...»

Мысли остановились, только не спать! «Не спать капитан! Есть не спать!» – сам себе скомандовал и отрапортовал Коновалов, после чего поднялся на ноги и взял в руки трубу... Спать моментально расхотелось, Коновалов победоносно рассмеялся.

...За кирпичной кладкой действительно оказался подземный ход...

х х х

...А снаружи над одним из ничем не примечательных надгробий неожиданно открыл пустые глаза похожий на скорбную птицу печальный бронзовый ангел. Взмахнул со странным звуком тяжелыми крыльями и молча взлетел над нас сквозь промокшей, исторгающей гниющие тела землей...

х х х

Глава VI. В которой юный Марсильяк слышит ангельское пение и знакомится с графом де Флери.

Сколько прошло времени я не знал, но, наверное, немного. Ночь, по крайней мере, еще не кончилась. Луна светила во всю и поле недавней битвы представилось мне во всей красе, когда я приподнялся на локте и оглядел его подоб-

но Ахиллу или кому-то там еще из великих древних. О том что битва окончилась подсказало мне незамысловатое пение господина Леко иначе возможно я бы так и лежал прикидываясь мертвецом до выяснения обстоятельств.

Петь наш славный Леко не умел, но любил. И сейчас он проделывал это своим охрипшим баритоном с нескрываемым удовольствием. Скажу честно при всем моем критическом настрое по отношению к подобного рода искусству, пение виконта показалось мне ангельским, так как означало то, что наши враги повержены или бежали. Рядом со мной валялись оба наших несостоявшихся убийцы, еще два тела лежали почти у самой дороги, а рядом с Джереми находился кто-то еще.

Этот кто-то петь не пел, но похоже слушал с удовольствием, во всяком случае, не мешал и при этом опирался на чудовищных размеров мушкет, а на голове его была широкополая шляпа то ли с пером, то ли с рогом... Я помотал головой наводя изображение, все-таки с пером... Ну и ладно. Попробовал подняться на ноги, получилось, только теперь обратил внимание на то, что руки были в крови, но похоже кровь была чужая, прощупал тело, где мог... Точно чужая.

Хорошо. Тут пение, наконец, прекратилось, и Дже соизволил поинтересоваться моим самочувствием:

– Жив, придурок?

Я пробурчал, что живой, но не придурок и хромая подошел к этим, ну даже не знаю, как их назвать.

– Познакомься,– Леко церемонно поклонился к нашему загадочному компаньону,– это наш добрый ангел и спаситель граф де Флери.

Я представился и отдал салют шпагой. Граф кивнул, и я рассмотрел его поближе. Невысокого роста, худой старик смотрел на меня в упор. Ничего особенного, разве что глаза, глаза были словно у охотничьей птицы, причем натренированной и знающей себе цену.

– Граф, позвольте...

Старик опустил глаза и легонько потрепал меня по плечу, нет скорее по предплечью.

– Не стоит, благодарности господин де Марсильяк...– голос у него был довольно приятный, но не слащавый, нормальный короче голос,– ваш друг немного преувеличивает мою заслугу... Долг дворянина прийти на помощь в подобной ...ммм... ситуации...

– Вы прекрасно стреляете, граф, позвольте выразить вам свое восхищение.

Старик усмехнулся.

– Рад, что оказался вам полезным.

Я с изумлением рассматривал мушкет, я понял, почему он показался мне таким огромным, у него было четыре ствола, соединенных вместе. Видя мое изумление, граф или кто-то там еще заулыбался:

– Полезная штука, не правда ли? Четыре выстрела одновременно или по очереди, это весьма удобно.

– Да уж...

– Вот-вот только тяжелая до безобразия.

– Однако пришлось весьма кстати.

Старик кивнул и направился к стоящим неподалеку лошадям. Они странным образом сбились в кучу, и мой Арк, и лошади наших убийц, только кобыла Леко и еще один конь так и остались лежать на траве, а невысокий, по виду напоминающий мула конек старика стоял в сторонке. Старик легко взлетел ему на спину и, махнув нам на прощанье рукой, стал выбираться на дорогу. Путешествовал он, видимо без слуг, да и нужны ли они, когда у тебя есть подобный мушкет? Вопрос риторический.

Джереми опять чего-то запел, а я почувствовал себя весьма не удобно и не придумал ничего лучшего, чем подскочить к этому недоделанному исполнителю народных французских песенок, и с возмущением произнести:

– Мы что так и отпустим его?

Певец бросил петь и почему-то опять заржал:

– Интересно, как вы его удержите, милорд?

– Издеваешься?

– Отнюдь... Милорд?

Я не нашелся, что ответить и глупо глядел в спину удаляющемуся спасителю. Даже отсмеялся и хлопнул меня по спине:

– Пойдем, все уже закончилось, не дуйся монсеньор, я расскажу тебе о событиях, которые ты пропустил...

И он рассказал. Выяснились удивительные вещи. За то время как я лежал придавленный убитым мною негодяем, Джереми оказывается успел многое, а именно: составить в уме завещание, помолиться, выхватить шпагу и схватиться с одним из оставшихся убийц в рукопашную, параллельно он с негодованием наблюдал за тем как четвертый убийца хладнокровно взводит курок пистолета и не спеша целится, пытаясь сэкономить своему напарнику время в схватке с доблестным Геркулесом. Вот тут то наш старик и появился, как на заказ. Откуда он вынырнул, Джереми в запале боя увидеть не успел, но зато старик успел выстрелить быстрее всех и с отличным для нас результатом.

– Ну и чего он тут делал, охотился на лисиц?– поинтересовался ваш покорный слуга.

– Нет,– засмеялся виконт,– он направлялся в гости к своему старинному другу барону дю Грасси, вроде бы они когда-то сражались вместе...

– Совпадение?

– Счастливое, заметь!– Леко радостно потер руки.

Тем не менее, все это было как-то странно, к тому же меня стала раздражать его безудержное веселье.

– А чего это ты такой довольный позволь спросить?– не удержался я от вопроса.

Джереми развеселился пуще прежнего, и даже стал пританцовывать на месте. Паяц и фигляр. На площадь, грязную рыночную площадь, на потеху толпе, а потом немедленно

казнить.

– Неужели неясно?

– Нет.

Он сделал какое-то совсем замысловатое па и поклонился.

Я вяло поаплодировал.

– Просто радуюсь тому, что живой!

Видя мое кислое выражение лица, он продолжил мысль:

– Но тебе этого не понять.

Я плюнул и пошел к лошадям. Святая простота. Лучше бы танцевать как следует научился, фигляр. А потом мне в голову пришла одна забавная мысль...

х х х

В подворотне нас ждет маньяк...

(И.Логутенко)

...Первый знак я увидел часа через пол. У обочины дороги стоял небольшой железный памятник с букетиком бумажных цветов. Ну, знаете, такие ставят иногда вдоль дорог на месте аварий со смертельным исходом. Рядышком облокотившись на него, стояла водочная недопитая бутылка и лежала надкушенная горбушечка черного хлеба.

Я взял сосуд, понюхал остороженько и мысленно помолвившись, припал к горлышку... За царствие небесное, так сказать...

«Пшеничная», как раз сто грамм и сухарик пригодился. Меня тут же наполнило неведь откуда пришедшее сознание того, что я на верном пути.

Окружающий пейзаж Египет напоминал мало. Темное загороднее шоссе, грязь на обочинах, чахлые деревья и, кажущиеся бескрайними в ночной черноте, поля. Мда... Пора куда-нибудь выбираться.

Я оглядел себя пристально и понял, что похож либо на выдавшего вида бомжа, либо на потерпевшего кораблекрушение сельского дурачка. Это было печально, так здешние автолюбители не любят подбирать на дороге подобных типов. Порывшись по карманам, я убедился, что денег у меня действительно нет. Документы отсутствовали вместе с деньгами. И хотя в перспективе присутствовало возвращение домой, перспектива эта меня не прельщала, потому что в городе у меня уже довольно давно не было ни работы, ни тех же денег, ни других документов, а судя по таинственным намекам моего последнего собутыльника у меня еще намечались проблемы с жилплощадью, чему я, кстати, охотно верил. Те немногие люди, на которых я вроде бы по идее мог еще рассчитывать кроме вопроса: «Ну и когда ты намерен вернуть мои 100, 200» и так далее монет, тоже ничем уже не могли мне помочь. Так что, судя по всему, я попал и попал довольно крепко. И все равно я вышел на дорогу и побрел в сторону Города, мало ли...

Мимо пролетали редкие машины, заставляя меня шу-

риться в свете их фар. Не знаю на чьей стороне я выступал сегодня, тьмы или света, скорее всего тьмы, так как ужасно хотелось в ней раствориться вместе со всеми этими проблемами, свет раздражал.

Я шел и размышлял о превратностях судьбы и абсолютно неожиданно почувствовал, что являюсь объектом чье-то пристального внимания. Не знаю почему я сделал такое странное заключение, быть может виной тому был выпитый мною алкоголь, но мне стали слышаться странные звуки. Потом почему-то захотелось по малому, и когда я остановился, то услышал сзади шуршание мягко подкатывающихся шин. Взглянув через плечо на остановившуюся иномарку я молча и сосредоточенно завершил процесс и только потом обернулся.

Город был уже близко, и моя уверенность в своих силах возросла. Водитель притушил фары и наверное глядел на меня сквозь черное стекло.

Это было неприятно, тем более что из авто никто не появлялся. Я отвернулся и побрел своим путем, мало ли идютов по дорогам шляется, например я, типичный тому пример, может быть, этот придурок в машине хотел у меня дорогу спросить, а потом рассмотрел повнимательнее, а я ему не понравился? Может такое быть? Может.

Словно в доказательство моих слов за спиной завелся мотор, и иномарка, набрав скорость, обогнала меня и скрылась вдали.

«Идиот...» – подумал я и продолжил путь.

Почему до сих пор не рассвело? Пора бы...

Иномарку я догнал минут через пятнадцать, она стояла на обочине и двери ее были открыты с одной стороны, фары были потушены, а вокруг не было ни души. Я опасливо подошел и заглянул внутрь, никого. Странно. Ключи в зажигании. Огляделся. И снаружи никого.

«Видно очень, очень сильно прихватило вдруг его...» – дополнил я свою мысль поэтически. Мне вдруг стало весело, возникло ощущение дежавю. Уйти? Ключи в машине не отпускали. Я словно чувствуя себя Штирлицем в тылу врага, еще раз воровато огляделся и нырнул в салон.

«Он обожал кататься ночью в чужой машине без трусов...» Господи чего меня это на стихи поперло, да еще и такие дебилские... Но рука уже тянулась к ключам и вскоре мы уже ехали. Куда? Не знаю, но явно, блин, не в Египет!

...За окнами мелькали редкие ели, или ивы, я не понял, потому что едва я набрал скорость, как на меня опять напали, сзади, исподтишка, подло. Я лишь почувствовал неприятный запах хлора, и грубая ткань накрыла мое лицо...

х х х

Спящая красавица. Пробуждение.

– Присцилла! Проснитесь! – голос шел прямо из бело-ро-

зовой дымки прозрачной и легкой. Голос казался знакомым. Уже пробуждаясь и чувствуя, что сон остается позади в этом веселом эфирном фейерверке цветов, Вера Анатольевна сладко потянулась и открыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.